

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег

Верещагин

ПЕСНЯ ГОРНА

Горны Империи

Олег Верещагин

Песня горна

«ЭКСМО»

2013

Верещагин О. Н.

Песня горна / О. Н. Верещагин — «Эксмо», 2013 — (Горны Империи)

Попытка ООН расчленить Россию завершилась глобальным ядерным конфликтом. Гибель большей части человечества, изменение климата и геологические катастрофы – вот цена безумной вражды и бездумного падения морали и культуры. Инстинкт самосохранения заставил уцелевшие страны объединиться в две основные и на этот раз больше не враждующие империи: Российскую и Англо-Саксонскую. Немалая ответственность в борьбе с уцелевшими бандами и бывшими «хозяевами жизни» легла на плечи входящего в жизнь поколения. Мальчишки и девчонки возрождают Пионерию и во имя счастливого будущего готовы на любой подвиг...

© Верещагин О. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Верецагин

Песня горна

Посвящаю эту книгу маме, которую и в институте продолжали уважительно называть Пионеркой.

Автор

Глава 1

Два гвоздя и кирпич

Денис оглядел класс и тоскливо вздохнул. Лица одноклассников выражали сочувствие, смешанное с опасением (сейчас его посадят, а меня вызовут) и даже радостью (не я у доски). Подсказывать никто не пытался по двум причинам: первая – Франц Ильич при своём возрасте сохранил слух крота; вторая – буквально позавчера вечером предсовета отряда Д. Третьяков с пеной на губах громил подсказки и кричал, что с ними никаких знаний ни у кого не будет. Кто же виноват, что **вчера** вечером допоздна засиделись, монтируя коммутатор для внутренней связи, и перед сном Денис легкомысленно решил: тема из повторения за прошлый год, он её помнит. И помнил. Просто кто ж знал, что в русском языке таятся ещё и сложносочинённые предложения? Про сложноподчинённые Денис – да – помнил. А про эти...

Денис снова вздохнул. Подумал, что для двадцати семи человек класс всё-таки тесен и что учить девчонок вместе с мальчишками всё же неправильно, этим надо будет заняться... Ещё подумал, что в классе кроме него только четверо в пионерской форме, а ещё у восьмерых из-под новеньких, по имперским образцам (хотя и не из древопластика, а просто из дерева) сделанных парт торчат босые ноги. Ещё подумал, что на улице душно, но всё равно надо открыть окно.

Короче, много о чём подумал, только не о сложнопод... **сложносочинённых** предложениях. Вздохнул в третий раз и начал снова:

– Сложносочинённое предложение – это такое предложение... – после чего заглох. Олег показал сбоку от парты листок с надписями. Денис сердито отвернулся.

– Какое? – с интересом спросил Франц Ильич. – Я жду с нетерпением.

Денис покосился на него ещё более сердито, чем на Олега. Франц Ильич знал и преподавал русский язык и литературу великолепно. Но если на уроках литературы оставалось только сидеть с открытым ртом, а излагаемая смесь фактов, дат, приключений, поисков, великолепных строк, открытий, схваток, странствий и озарений как бы сама впитывалась в память – то на русском царили свирепый диктат и зубрёжка. Такого Денис не помнил даже по петроградской школе. Класс не выбирался из троек, получивший четвёрку сиял, как начищенная медная табличка над школьным парадным. На пятёрку, по мнению Франца Ильича, язык знал только он сам.

Но сейчас Денису грозила не тройка, а полновесный – как тут говорили – «гусь». Ссылка на общественную деятельность – на это иногда поддавались другие учителя – Франц Ильич не принимал, парируя их, в общем-то, здравыми соображениями, что люди безграмотные любой общественной деятельности нанесут только вред. В самом начале года (не так уж давно) Петька Минаев, получив третьего «гуся», ударился в амбицию и стал доказывать, что все эти правила никому не нужны. За день до этого Петька прочёл книгу из библиотеки, которая поразила его своей простотой и логичностью – там излагалась теория, что неграмотное написание слов вовсе не препятствует усвоению и чтению, а значит, в принципе, всё равно, писать «телескоп» или «тилископ». Франц Ильич покивал и на следующий день... поставил всему классу прогул.

За дело. Перед этим вечером он зашёл к Минаевым и передал для Петьки записку, в которой просил его с утра проводить класс на «выходной» урок к «Оптике». Естественно, Петька, зная не знавший о существовании в посёлке маленького магазинчика «Оптика», прочитал записку «лётом», как он сам признался, по вычитанной методике, после чего отвёл одноклассников туда, куда показалось логичным – к центральной АПТЕКЕ. Там они и ждали учителя ровно час... На возмущённые вопли Франц Ильич с чисто немецким хладнокровием пояснил, что в записке ясно, чётко, коротко и чёрным по белому написано, куда надо было идти. Остальное вина не его, а новаторов... Крыть было нечем.

Практически разгромив юного оппонента, учитель вырвал из программы ещё один урок и прочёл ребятам лекцию о том, что усложнение языка – процесс **неизбежный** в русле общего человеческого развития. Упрощение же свидетельствует о том, что в обществе – моральный регресс. И что русским языком нужно гордиться хотя бы уже потому, что он действительно сложен и именно поэтому красив. Привёл он и пример того, как «Лига Инклингов» в Англо-Саксонской Империи старательно и настойчиво обогащает достаточно бедный английский язык – новыми словами и даже новыми звуками, причём при полной поддержке лично Императора... Денис вообще-то был согласен с учителем, из истории он хорошо знал, что одной из бед прежней цивилизации было оскудение устной речи и связанное с этим элементарное отупение масс, дураками или проплаченными подонками выдававшееся за «неизбежный процесс в ходе усиливающейся специализации».

Но что такое «сложносочинённое предложение» – всё-таки не вспоминалось.

– Сложносочинённое предложение, – как будто отвечая на мысли томящегося возле доски ученика, начал Франц Ильич, – это такое предложение, в котором простые предложения могут быть равноправными по смыслу и связываются сочинительными союзами. Например: «Третьяков не приготовил домашнее задание, и учитель вынужден был отвечать сам», – любезно привёл пример Шёнк. – Садитесь, Третьяков... Поскольку формулировку дал всё-таки я, попрошу присутствующих в тетрадах – не открывая учебников – придумать и записать по три сложносочинённых предложения. – Он подошёл к окну и открыл его. – После чего мы продолжим работу.

Денис угрюмо выставил в дневнике двойку и передал его Шёнку, который расписался и вернул дневник владельцу. Денис его тут же закрыл и заставил себя открыть тетрадь. Из окна полился тёплый, влажный, но всё-таки ветерок, послышался шум. Кое-кто клонул в сторону окна и свободы носом, но Олег кашлянул, и отвлекаться перестали все...

...Новая школа оказалась заполненной до предела, как банка консервов – балтийской килькой. Неизвестно, что так повлияло на отношение к учёбе у взрослых – верней всего, до большинства дошло, что в мире, который собираются строить имперцы, грамотным быть не просто престижно, это необходимо. В новую школу перебрались даже несколько учеников из городской школы. Правда, очень немного, городская школа оставалась оплотом «Энергии» и как бы бастионом учебной оппозиции. Но казавшееся здоровенным здание бывшего клуба как бы съёжилось, и стало ясно, что летом придётся делать пристройки. Полянцев уже получил на это деньги из столицы, и вообще финансирование пошло довольно щедрое – да вдобавок ещё сработали временные боны, запущенные в обиход Валерией Вадимовной. Люди, дабы не прогореть на них, старались как можно больше успеть купить и построить до конца года; многие на эти боны открывали свои мелкие дела, как Чакин, и из-за этого неожиданно резко подешевели продукты, а качество их выросло. Франц Ильич тут же – конечно, за «официальные» деньги – на заказывал кучу всякого разного даже из Империи, да и пионерскому отряду перепали определённые суммы. Удалось найти и учителей, а математик Русанов, тёзка Дениса, Денис Михайлович, приехал из Империи. Он был не «витязь», а просто провинциальный секретарь по министерству образования, который после выбора профессии и стажировки в Минске сам попросился сюда. Зато настоящим «витязем» оказался новый государственный кон-

тролёр, заменивший на этом посту убитого Есипова, – Виктор Данилович Макарычев. Кстати, именно он привёз известие о том, что чета Безгиных благополучно повешена в Верном... Он же как-то, за столом у Третьяковых, показал пачку листов. Это оказались странные заявления: по инициативе представителя «ЗаготМясо» Лобанова, «шефа» Олега, люди стали вступать в созданный Тимофеем Ильичом кооператив «Дружба», в котором господствовало то, что отец Дениса задумчиво назвал «экономика дарения». Вошедшие в него люди оказывали друг другу услуги, как бы обмениваясь ими. Присутствовавший при том разговоре Балаганов, последнее время подчёркнуто державшийся проимперски и даже своего семилетнего сына отдавший в новую школу (смотреть на всё это было смешно и немного противно, но газета его начала так или иначе делать полезное дело), заметил, что если два нищих сложатся, то богаче они не станут. Но вскоре выяснилось, что затея Лобанова стала приносить реальную пользу – «экономика дарения» позволяла как-то незаметно сделать много дел, на которые человек в одиночку просто не был способен. Нищие заставляли отступать нищету, и Балаганов разразился переодвицей «Дарите людям души!». Денис тогда поинтересовался, не собирается ли отец наконец арестовать этого угря. Отец заметил, что это вообще не его функция, а Макарычев, которому Денис задал тот же вопрос при новой встрече, ответил: незачем, да и не за что, пусть работает. Денис не согласился, но промолчал.

Что беспокоило Дениса – так это нулевой рост пионерского отряда. Много народу приходило на сборы, почти все – записались в разные кружки и секции, которые тоже довольно щедро финансировались, и уже смешно было вспоминать карманные деньги Третьякова-младшего. Немало народу охотно работало в мастерских – сапожной, швейной, токарной, небольшом консервном цехе. Но записываться в пионеры никто не спешил. Хотя внимание – неослабное и пристальное – Денис ощущал каждую секунду. Казалось, ребят и девчонок что-то удерживает. Что – Денис понять откровенно не мог и временами злился, а то и приходил в отчаянье: ну что ж такое?! Местные ребята-пионеры тоже ничего не могли объяснить, и Денис вынужден был довольствоваться тем, что уже вступившие в отряд стали совершенно неиссякаемыми источниками энтузиазма. Честное слово, они были похожи на разбуженных после долгого неестественного сна!.. А уж вернувшийся с лечения Генка вообще изменился неузнаваемо – в лучшую сторону, конечно. Он был похож на имперского мальчишку, и Денис временами гадал, что уж такое ему там устроил Санька, что показал? Или ничего такого особенного, просто кусочек другой жизни?.. Кто знает – а сам Генка не спешил распространяться. Да и, похоже, просто не мог выразить ощущения словами.

Временами, надо сказать, Денис форменным образом пугался этой общей жадности до нового и думал, что наступит – и уже не так уж чтобы нескоро – момент, когда он больше ничего не сможет им дать. В такие минуты он остро ощущал, что сам очень и очень мало знает и умеет. Да, легко быть пионером, когда вокруг много взрослых, которые готовы помочь. А если большинство взрослых просто-напросто не понимают, какая помощь тебе нужна?!

...Прозвеневший звонок заставил Дениса отвлечься от совершенно посторонних мыслей. Остатки объяснений Франца Ильича он прохлопал начисто и на себя разозлился до такой степени, что ускользнул от неизбежного разговора с одноклассниками по чёрной лестнице и пробрался в учительскую.

Тут было пусто. Почти. Большинство учителей предпочитали проводить перемены в классах, так как со звонком практически каждого облепляла плотная куча ребят и девчонок, сыпавших вопросы, как зерно из широко развязанного мешка – неостановимым потоком. Денис в таких случаях всегда вспоминал, что однажды сказал кто-то из учителей в Петрограде (Денис подслушал случайно): «Самая большая радость в нашей профессии – это когда тебе на перемене задают вопросы!»

Но сейчас он не был настроен на воспоминания.

– А всё-таки это непедagogично, – сказал Денис сердито, усаживаясь на стул верхом. Франц Ильич, восседавший на законном директорском месте, с интересом оторвался от заполнения журнала.

– Что именно? – поинтересовался он с искренним любопытством. Денис хмуро посмотрел на директора:

– Могли бы поиметь ко мне снисхождение как к коллеге. Я им всё-таки историю преподаю, – солидно произнёс он это слово, – и астрономию. А вы мне бац – и пару.

– Пару? – пошевелил бровями Франц Ильич. – Помнится, я поставил вам, Третьяков, всего одну оценку. Хотя, если учесть, что до конца урока вы меня так и не начали слушать, возможно, вы действительно заслуживаете пару.

– «Гуся»! – поправился Денис в соответствии с местными порядками. – И какой у меня после этого будет учительский авторитет?!

– Интересная позиция, – серьёзно ответил Франц Ильич – Но, в свою очередь, хочу поинтересоваться у вас, коллега, – какой может быть учительский авторитет, если учитель не разбирается в сложносочинённых предложениях?

– Я разбираюсь... – начал Денис, но Франц Ильич довольно-таки беспощадно прервал его:

– На двойку. Что и получили, коллега. А вообще – если уж приехали из Империи, – неожиданно жёстко продолжил он, – то извольте быть примером во всём. Да-да, во всём, сколько бы сил это ни отнимало и какое бы время ни пришлось на это потратить. Да, именно так! – словно черту, подвёл он, причём уже без малейшей иронии.

На этот раз Денис промолчал, потупившись. Щёки у него полыхали. Глупый щенок, припёрся с претензиями, смысл которых: **я особый, мне масла в зад на сто рублёв и смотрите – сливочного!** Уф, как стыдно, мало щёки полыхают, сейчас бы в наказание голым задом в крапиву...

– Разрешите идти? – еле слышно прошелестел мальчишка, вставая.

– Да нет уж, постойте, коллега, – Франц Ильич придвинул к себе какие-то бумаги. – За вами ещё рабочий план по предмету. Я, как помните, был на вашем уроке, – он называл Дениса на «вы» уже без насмешки, – и должен сказать, что материал вы излагаете с огоньком и на хорошем профессиональном уровне. Но вот планов ваших я пока не видел.

– Франц Ильич, – сердито произнёс Денис, тут же забыв своё смущение, – объясните мне, пожалуйста, зачем вам вообще написанные на бумаге планы? У меня есть заметки, которые помогают мне вести уроки. Это я понимаю. Но учителя ведь кучу времени... простите, много времени тратят на то, чтобы подробно расписать: скажу то-то, спрошу то-то, тема такая-то. Да ещё и записать «согласно стандартам». По-моему, лучше всего оформленные планы – у самых малопригодных педагогов, вот! – закончил Денис почти яростно.

Франц Ильич поджал губы. Но потом неожиданно рассмеялся:

– А знаете, примерно то же самое говорил мне позавчера на педсовете коллега Русанов. Если вас я ещё мог бы заподозрить в элементарном желании увильнуть от рутинной работы, – Денис оскорблённо выпрямился, – то его – нет. Хм. Хм, хм. Интересно. Неужели в Империи учителя не пишут подробных планов?

– Я не знаю, – честно признался Денис. – Но думаю, что нет. Мне трудно представить себе своих учителей из петроградской школы, которые тратят время, чернила и бумагу на такую ерунду.

Прозвенел звонок, и Денис, извинившись, подхватил папку, журнал – и вышел из учительской.

Франц Ильич остался сидеть за столом, тщательно вытирая кусочком промокашки перо – снова и снова...

...Новой темой на истории была «Роль инородческих сообществ в геноциде русского народа перед Третьей мировой войной». Денис, как всегда, увлёкся, увлёт класс и только к звонку опомнился и довольно подумал, что, кажется выкрутился... но не успел он подхватиться и выскочить из класса, как его обступили Олег, Пашка Бойцов, Танька Васюнина и Мишка Гуляев.

– Чего? – малодушно спросил Денис, делая робкую попытку прорваться к двери. Ему молча загородили дорогу. – Ну ребята! – взмолился он. – Вчера же коммутатор монтировали!

– Ты один? – спросила Танька, ехидно щурясь и вода по щеке кончиком рыжей косы. Денис испытал сильнейшее желание эту косу ей оборвать. Но вместо этого промямлил:

– Чего один?

– Монтировал ты один? – уточнила Танька.

– Ну не один...

– И «гуся» тоже получил не ты один?

– Васюня! – взвыл Денис. – Ну, я не виноват, что меня спросили!!!

– Петька с тобой монтировал, – сказал Пашка со смешком, сложив руки на груди и прислонившись спиной к стене. На нём вместо пионерских шортов были бриджи для верховой езды – правда, «уставного» цвета, и вольность ему прощали, учитывая, что он каждый день мотался верхами на перевал и обратно. – А потом сидел до утра и зубрил, между прочим. Так что, если бы его спросили, он бы ответил.

– Попробуй ему только связиста зарезать, – добавил Мишка. Денис огрызнулся:

– Если всё правильно на аксель ответит, чего я буду резать?!¹ Ну всё! Больше не повторится! – И, поскольку его по-прежнему не выпускали, добавил: – Извините, а?

– Вот! – Олег, до сих пор молчавший, просиял и стукнул Дениса кулаком в плечо. Денис закрылся и ответил кулаком в грудь. Танька вклинилась между ними:

– Ничья... Ну что, урок последний, в отряд?

– Я сперва забегу по делам кое-куда, – опомнился Денис. – Недолго, час максимум. И буду.

– У нас День Солнца на носу, – напомнил Олег. Денис повторил:

– Я недолго...

...За школьной оградой – там, где когда-то щиты для объявлений украшали ироничные надписи и грязные разводы, а теперь справа на фоне пионерской эмблемы было написано «ПИОНЕРОТРЯД им. Радия Погодина», а слева всех извещали, что тут располагается «Народная школа №1 рабочего посёлка Седьмой Горный», – маячили несколько пацанов со скучными и злыми физиономиями. Мимо них гордо прошествовали несколько младшекласников – даже не посмотрев в их сторону. Один из «маячивших» дёрнулся было вслед, но увидел Дениса, сбегавшего с крыльца, и сделал вид, что смотрит на часы. Последний из уходивших младших – босиком, лохматый, но с новеньким ранцем под военный рюкзак имперца и с чисто вымытой физиономией – как раз обернулся и ехидно, громко, оглушительно звонко пропел:

– Зырит весь двор,
Как наш Егор
Школьный забор
Жопой подпёр!
Дырку на жопе о доски протёр –
Вот и стоит Егор!

¹ Имеется в виду, что Петька собирается сдавать испытания на присвоение квалификации пионера-связиста с получением аксельбанта.

– Ах ты!.. – снова рванулся мальчишка, побурев как варёная свёкла, Но Денис, как раз оказавшись рядом, поинтересовался:

– Как там Пинаев-младший себя чувствует? Давно не виделись...

– Нормально... – пробормотал Егор. Остальные стушевались окончательно, и Денис вдруг поймал в нескольких взглядах не ненависть, не опаску, а интерес. – Слуш, имперец, ты скажи своей малышне, чтобы не лаялись, вообще уже...

– А вы сюда как, по делу – или что? – улыбнулся Денис. – Или нравится, когда на вас лаются?

– Ты это... – начал было Егор снова, но Денис, посерьёзнев, его прервал:

– Вы эту малышню ещё год назад пинками из парка гнали и с пляжа с ближнего, и вообще долбали походя, где ни увидите. Было? – Он обвёл мальчишек внимательным холодным взглядом и подытожил беспощадно: – Было! И издевались, и копейки вытрясали, ничтожества крохобористые! И «чушками» назвали, было?! – и снова отрезал: – Было! Ну так вот, хотите – стойте и слушайте, и попробуйте только хоть одного... – Денис показал кончик мизинца. – Хоть вот так... Костей не соберёте. А лучше, – он резко махнул рукой, – просто валите отсюда, и правда, забор не обтирайте, не вы красили!

– Силу... почуяли?.. – с трудом выдавил Егор, бледнея. – Силу, да? Ваше время, да? Ну ничего. Ничего... – Он повернулся и почти побежал прочь. Следом за ним – кто медленней, кто быстрее, кто бросив на Дениса злой взгляд, а кто наоборот – не глядя – потянулись остальные. Денис очень хотел плюнуть им вслед. Но сдержался. Поискал взглядом того мальчишку, но малышовая стайка уже умотала в неизвестность, и след простыл. Вспомнился Володька – надо будет...

– Денис, ты куда?! – из распахнутого окна штаба по пояс вывесился улыбающийся Генка. Отчаянно заломленный берет еле держался на затылке.

– Приду скоро! – отозвался Денис, махнул рукой и зашагал по улице.

До чего здорово было идти в форме! Мальчишка шагал широко, развернув плечи – так, как привык ходить всегда, – и больше не было нужды прятать галстук. Денис всерьёз опасался, как бы тот не обиделся на него за первые дни в посёлке, когда галстуку пришлось висеть на стуле, а Денису – носить обычную одежду. Теперь такой галстук в посёлке не один. А будет... Денис чуть подсбил шаг... да, будет ещё больше!

Тут ему вдобавок вспомнилось, куда именно и зачем именно он шагает, – настроение совсем подскочило, Денис ускорил шаг и стал сквозь зубы насвистывать о том, что «мы построим лестницу до звёзд, мы пройдем сквозь чёрные циклоны – от смоленских солнечных берёз до туманных топей Оберона!» Правда, поэт прошлых времён ошибся – на Обероне нет топей². Зато есть потрясающе красивые ледяные пещеры с озёрами и реками, в которых что ни год – открывают новый вид рыбы или моллюска. Есть построенный из пайкрита³ в самой большой пещере город англосаксов, которые первыми высадились на эту планету, – город Айс Холл...

«Когда-нибудь я увижу Оберон, – подумал Денис. – Обязательно. И остальные спутники Урана. И не только Урана! И тот ехидный мальчишка, который бережёт обувь на более холодное время – увидит всё это тоже...»

...Начальник полиции был хмур, причём весьма. В коридоре, идя к его кабинету, Денис столкнулся с Семской – врач-контролёр приветливо улыбнулась, кивнула – и Денис понял: что-то произошло.

Он не ошибся.

² Имеется в виду: ОБЕРОН, спутник Урана. Расстояние от Урана 580,8 тыс. км, период обращения 13 сут 12 ч, диаметр ок. 1600 км (т. е. размером почти с Луну).

³ Сверхпрочный искусственный лёд с особыми физическими свойствами.

– Благими намерениями, – приветствовал его Кенесары Ержанович. Денис слегка растерялся:

– Извините... не понял?

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – расшифровал Кенесбаев. – Помнишь, твоя мама после наводнения заняла под жильё для пострадавших резервный фонд «Энергии»? – Денис кивнул. – Ну так там вспышка холеры. Квартал на карантине.

– Чего?! – ошалел Денис. Кенесбаев прошёлся по кабинету, смешно переваливаясь на своих кривоватых ногах.

– Того, – сердито проронил он. – Я ведь предупреждал. Я ж говорил Валерии Вадимовне: эти люди хлопот не стоят, их сначала надо научить подтираться не паль... кгхм, прости.

– Н... ничего, – Денис продолжал хлопать глазами. – Откуда холера, я не пойму?!

– Оттуда! – гаркнул Кенесбаев и уже не прошёлся – пробежался по кабинету. – Оттуда, что срут, где пьют, и спят, где срут! Оттуда, что канализационные стоки всякой хер... ерундой позабивало, кет на кутак!.. Чего пришёл?!

– Ну как бы... – Денис опять растерялся. Кенесбаев хлопнул себя по лбу:

– А чёрт! С этим со всем... Пошли, пошли.

Звения ключами, он вышел из кабинета первым, выпустил Дениса, запер дверь. Вдвоём они двинулись по коридору. Денис неожиданно сказал:

– Холера... Не сезон вроде бы. Да и вообще – при чём тут канализационные стоки? Холеру вызывает вибрион, который от живого носителя передаётся.

– Это ты сейчас о чём? – насторожился Кенесбаев. Денис пояснил:

– Кто-то просто распространил заразу. Семская что тут делала?

– Предлагала услуги в борьбе с эпидемией, – ответил Кенесбаев. – Я ей ответил, что надо не услуги предлагать, а идти на место и делать дело. Тем более что болеют их рабочие, но эпидемии как раз пока нет. Она ответила очень мило, что не компания переселила их из естественно-привычных условий в бытовые излишества. И пошла делать дело...

– Одной рукой травим, другой лечим! – зло фыркнул Денис. Начальник полиции вздохнул:

– Ты всерьёз?

Денис зло не ответил. Но потом буркнул:

– Вообще, они и впрямь там свиарник развели, дурачье. А на замечания только бормочут разное... Но холеры от этого не бывает, Кенесары Ержанович, это вы меня хоть режьте.

– Знаешь что? – спросил Кенесбаев. Денис удержал реплику «Знаю, а что?» и изобразил внимание. – Я иногда думаю: ну как же было тихо и спокойно, пока вас тут не было.

– Да ну?! – оскорбился Денис. Но начальник полиции, не обращая внимания на его возмущение, продолжал:

– Тихо. Спокойно... – Он отдал честь дежурному сержанту и зазвенел ключами оружейки. – Как на кладбище. Вот, давай, заходи.

Оружейка содержалась в полном порядке, поэтому два ящика, стоявшие в её центре, как некое надгробие, сразу приковывали взгляд.

– Они? – понизил голос Денис, подходя к ящикам и закладывая руки за спину. Посмотрел на Кенесбаева. Тот кивнул, отщёлкнул замки и поднял крышку верхнего ящика.

В ящиках были ружья. «Сайги» 20-го калибра – со складными прикладами, пистолетными рукоятками и накладками из серо-зелёного зернистого пластика, с матово-чёрными металлическими деталями и десятизарядными барабанами магазинов. Восемь штук, по четыре в ящике.

Денис опустился на колено перед ящиками. Будь он щенком – он бы вывесил язык от удовольствия. Если честно – до последнего он не верил, что Кенесбаев пойдёт на выполнение этой просьбы. И даже не стал объяснять, зачем при штабе пионеротряда оборудовали комнату

без окон, с металлической двойной – цельной и решётчатой – дверью... Сказал: «На всякий случай!» – и это покатило, все были уверены, что так и надо, кому, как не Денису, знать, что должно иметься в отряде? В Петрограде оружие в пионеротрядах, правда, хранилось – чаще всего, те же самые «Сайги». Но это в Петрограде...

– Привезли... – прошептал мальчишка, сам не веря своему счастью.

– Да, как видишь... Но смотри... – Кенесары Ержанович помотал перед лицом Дениса коротким пальцем. – Это игрушки плохие. Если что... – Он не договорил, удивлённо осёкся. Денис на него смотрел не обиженно, а просто как-то... снисходительно, что ли? Как на человека, говорящего глупость. **Как взрослый – на ребёнка.** Кенесбаев кашлянул и пояснил: – Ну я не про тебя, я про наших, местных.

– А я что – не местный? – Денис поднялся, подхватывая «Сайгу». Щёлкнул прикладом, примкнул пустой магазин, сбросил предохранитель, небрежно-ловко дёрнул затвор, спустил курок, поставил оружие на предохранитель... Нагнулся. Коробки с патронами – тут же, в специальных отсеках – были маркированы пулями «блондо» и шестимиллиметровой картечью. – Я, Кенесары Ержанович, очень даже местный... – Он положил ружьё на ящик и поинтересовался: – Когда забрать можно?

– Мои привезут сами, – тут же ответил Кенесбаев и вздохнул тяжело: – М-да. Самое интересное у нас, я думаю, ещё впереди.

И не стал ничего объяснять в ответ на вопросительный взгляд Дениса.

* * *

Тренировка по СБС, проводившаяся три раза в неделю, была единственным занятием, на которое являлись все пионеры, без различия прочих интересов. Не-пионеров на неё не то что не брали, но и просто не пускали в зал, из-за чего по всему посёлку ходили будоражащие слухи: де Третьяков-младший там учит пионеров бегать по отвесной стене, проламывать головой по два кирпича сразу и одним словом обездвигивать противника. В доказательство последнего приводили победоносно тот случай, когда мать Дениса несколькими словами остановила разъярённую толпу – помните?!

Денис этих слухов не опровергал – зачем? Их любители очень удивились бы, увидев такую тренировку – пятнадцать минут общей разминки, сорок минут разучивания приёмов, двадцать минут спаррингов, пятнадцать минут заминки. Полтора часа выпаривания на майке соли – с пыhtением и безостановочного. Иных способов чего-то достичь Денис не знал и вообще не верил, что они есть в природе. Тренировать ему было трудно – младшим девять лет, старшим пятнадцать, вместе занимаются мальчишки и девчонки – но он не отчаивался и, критично оценивая свои действия, убеждался радостно: результаты есть! Мальчишка читал кое-какие статьи, в которых высказывалось опасение, что в условиях, которые сложились в местах, подобных посёлку, у человека возникают необратимые регрессивные процессы – замедленная реакция и так далее. Но Денис с удовольствием убедился, что эти процессы – а они и правда были – обратимы, достаточно улучшить питание и условия жизни человека. Ведь и негранённый алмаз – не бриллиант, а просто мутный тусклый камешек, и всё. А уж человек-то!..

От этих мыслей отвлёк Дениса победный крик – Витька Шацких поймал Аркашку Раймонда, увлёкшегося ударами, на приём и швырнул на маты, а теперь выражал свою радость самым древним и доступным способом. Аркашка вставать не спешил, лежал и задумчиво смотрел на победителя.

– Сколько раз можно говорить. – Денис сделал «разножку». – Победив в спарринге, не орите и не визжите. Вы не дикари, а русские рукопашники; надо быть выдержанными в любом случае. Противник не должен по вашей реакции понять, что его удар достиг цели. И вы не должны показывать чувства, в случае победы – это не по-мужски. Только сдержанность.

– Будешь тут сдержанным. – Витька провёл рукой под носом, хмыкнул недоверчиво. – Лихо. Тебя в морду, а ты сдержанный будешь.

– Будешь, – усмехнулся Денис. – Это важная штука – сдержанность в бою. Противник теряется в любом случае – мол, чего это он, будто каменный?... Да, кстати! Радуйтесь все, со следующего занятия вами... то есть нами, мне тоже не вредно... займётся Денис Михайлович.

– Матерщинник?! – изумился Санька Бряндин и даже глаза выпучил. – Наш Денис Михайлович? Да ну! А он разве может?!

– У него, между прочим, КМС по СБС, – значительно произнёс Денис. Ответом было уважительное молчание, потом Милка Раух задумчиво-торжественно prorонила:

– Каэмэс по эсбээс, – и все дружно грохнули хохотом. Аркашка под шумок встал и ответил Витьке пинка, после чего они сцепились в шуточной свалке уже без всяких приёмов...

...Домой Денис и Олег шли вместе. Уже темнело, они сильно задержались на бурном обсуждении мероприятий по поводу предстоящего Дня Солнца, очень устали и проголодались. Олег зевал и строил планы насчёт того, что готовит дома мама. Денис еле волокся и мечтал поспать подольше, хоть и на голодный желудок. Поэтому сам от себя не ожидал вопроса, даже почувдилось в первый миг, что это ещё кто-то произносит:

– Олег, а ты на нас больше не злишься?

Он задал этот вопрос – и проснулся, испугался, что друг обидится, вопрос был тупой. Но Олег словно бы и не удивился даже...

– Не злюсь, – ответил он. – Мне бы ещё с кем-нибудь из ваших дворян, ну, из пацанов, познакомиться.

– Зачем? – удивился Денис. Олег вздохнул:

– Ты их так расписываешь, что оторопь берёт. Совершенство прямо. А куда дальше-то? – Олег сказал это и смутился, а Денис удивлённо вякнул:

– Это в каком смысле?... – и почти завопил: – Кто совершенство-то, от которого это, дальше некуда?! Ты про меня, что ли?! Да я по ночам храплю!

Он заявил это – и осекся, тем более что и Олег смотрел изумлённо, явно готовый спросить: «А это тут при чём?!» Но вместо вопроса Олег неожиданно фыркнул... и расхохотался. А через секунду Денис, огрев друга по спине школьным рюкзаком, присоединился к этому смеху...

...Презик ждал у калитки. За короткое время он солидно вымахал, стал меньше спать и есть (относительно прежнего) и посерьёзней. Его никто не дрессировал, но у пса появилась интересная манера провожать каждого гостя от калитки и до дверей – не бежать рядом, радостно тявкая, не пытаться укунить, а именно идти рядом, глядя перед собой. Это производило немного жутковатое впечатление, особенно если Презик считал гостя неприятным (почти никогда не ошибаясь) и по временам поднимал морду, смотрел на него.

– Привет, привет... – Олег потрепал пса за уши. – А что-то Никитка к нам давно не заползал? – Он посмотрел в сторону забора.

– У отца его неприятности большие, он в «энергичных» делах по уши замазан, – нехотя ответил Денис и вздохнул. Олег присвистнул:

– Мать не пускает, что ли?

– Мать... – Денис покривился. – Она за квартал добрые пожелания кричит, такая сладенькая – на хлеб вместо варенья мажь... Нет, Олег. Он сам не приходит. Маленький он, конечно, а не дурак... – Денис остановился и пнул крыльцо досадливо. Олег, уже было поднявшийся на ступеньку, остановился, толкнул друга плечом:

– Ты чего?

– Да того, – Денис угрюмо посмотрел на него. – У врагов есть дети. Никитка ведь хороший. Добрый. Умный. А отец его – нам вредитель, а ему? Ему-то он отец... Понятно, когда и сынок такой же, как папаша – вон, Пинаевы, тут всё ясно. А здесь, как?

– Не знаю, – откровенно сказал Олег. И немного удивлённо добавил: – Чёрт, мне это и в голову как-то не приходило.

– А должно приходиться, – сердито отрезал Денис, разуваясь. – Должны мы про это думать, должны знать, что с этим делать... пока не поздно!..

...У отца были гости. Шульце и какой-то невысокий мужик с угрюмыми глазами. Они сидели на кухне, мирно пили чай и беседовали – Дениса даже передёрнуло, когда он заглянул туда поздороваться: как отец вообще может сидеть за одним столом с этим кровососом? Однако – сидел, и беседовали они вполне мирно. А вот угрюмоглазый явно кипятился и на Шульце смотрел волком.

– Мальчишки, – Борис Игоревич махнул рукой вошедшим в коридор сыну и Олегу, – садитесь есть, Ольга Ивановна вам оставила.

– Добрый вечер, – корректно кивнул Денис. Шульце одарил его улыбкой, невысокий мужик буркнул: «Вечер добрый...» – Мы сейчас, в порядок себя приведём... – и, толкнув Олега, спросил: – Ты чего?

– Не пойду я туда есть. Видишь, и мама поставила всё и ушла, а обычно она всегда глядит, как Борис Игоревич ест... – процедил тот. – Моррррррда подлючая... Не, я всё понимаю, надо. Но есть туда...

– Пойдёшь. – Денис наполовину поднялся по лестнице. – Пойдёшь, сядешь, будешь есть и **вести себя как хозяин в этом доме. И в этом мире.** Понял, пионер?

Олег задумался. Потом улыбнулся – недобро и весело:

– Понял.

– Готов? – уточнил Денис.

– Всегда готов! – отсалютовал Олег...

...Мальчишки устроились с краю стола – оба босиком, в домашних шортах, лёгких майках – и с галстуками на шеях. Ольга Ивановна приготовила на ужин тушённую с картошкой, луком и морковкой рыбу, как всегда, отлично. Денис просто ел, поглядывал и слушал. А вот во взгляде Олега – в каждом взгляде, брошенном на Шульце, – была ненависть. Ничего он с нею не мог поделать, как видно.

Впрочем, Шульце был совершенно спокоен. Поздоровавшись, он уже просто не обращал на мальчишек внимания. И сейчас говорил с Третьяковым-старшим:

– Таким образом, на двух шахтах идёт переоборудование, они, конечно же, не работают. Три шахты по-прежнему затоплены, осушение движется, но тоже не очень-то быстро... Остальные дают выработку на четверть меньше, чем в прошлом сентябре. Это следствие новых правил безопасности и найма на работу, и способов поднять выработку я не вижу. Возможно, когда будет начата и закончена реконструкция и на них... – В его голосе прозвучала совершенно отчётливая ирония.

Но Шульце перебил его сосед:

– Арнольд Оттович, – проронил он хрипло, – вы вот тут уже битый час говорите, говорите, говорите... Вон и чай простыл, так вас заслушались. Правильные вещи говорите, что и возразить. Такое впечатление, что я в бане лежу, а меня ласково – да по спине – да с прибаутками – да веничком – из колючей проволоки.

– Ну, я эти венички не заготавливал. – Шульце был непробиваем. – Как я понимаю, Борис Игоревич, – лёгкий поклон Третьякову-старшему, – и господин Макарычев были сюда назначены затем, чтобы наладить работу на шахтах для пользы государства. И пока я вижу, что эта польза в общих цифрах упала за последние двенадцать месяцев на тридцать два процента.

– Господин Шульце, вы всё-таки неверно поняли наши цели, – с неожиданным сожалением заявил Борис Игоревич. – Вы, по-моему, искренне считаете, что я – не стану говорить за Виктора – прибыл сюда исключительно затем, чтобы прервать ваше воровство, освящённое

вами же принятыми разбойничьими правилами – не законами... – Кряжистый мужик довольно хрюкнул и повозился на стуле. – Должен сказать, что я это сделал. Сделал, Арнольд Оттович?

– Сделали, – кивнул Шульце. – Вы обрезали прибыли «Энергии» под корень. Но прибыли вашего любимого государства от этого не поднялись. Они тоже упали, хотя и не на тридцать два процента. Но значительно.

– А вот и ваша ошибка. – Третьяков-старший долил себе кипятку из чайника. – Не посёлок для шахт. Шахты для посёлка. Мне не так интересны деньги, которые я не дал вам своровать – или которые недополучила Республика, – как интересны люди, чья жизнь стала веселей, чище, разнообразней... да просто побогаче. Парадокс: прибыли «Энергии» упали, государство тоже получает меньше... а люди стали жить лучше. По-моему, это неплохой результат.

Денис перестал есть. Он видел, что Шульце – наверное, впервые за всё время знакомства с Третьяковыми! – растерян. Очевидно и зримо. Он старался понять сказанное. Честно – и тщетно. Борис Игоревич с интересом наблюдал за гостем – как за змеей, прижатой рогатинкой змеелова.

– Не понимаю, – наконец признался Шульце. – Я готов услышать эти слова от уважаемой Валерии Вадимовны, она – врач. Но вы?! Вы – офицер организации, которая ставит целью возвращение денег государству!

– Во вторую очередь, – с удовольствием ответил штабс-капитан Третьяков. – В первую любой из нас – людей Империи – ставит своей целью возвращение людей Жизни. Именно Жизни. С большой буквы. Всё остальное – средства для этой цели.

– Вот так, – подытожил жадно слушавший второй гость. И, отвернувшись от Шульце, нагнулся к Третьякову-старшему. – А про выработку, Борис Игоревич, вы вот что послушайте. Ребятки тут меня к вам послали зачем? А вот зачем. Есть такая сметка – как выработку поднять, не против новых правил – а поднять. Сметка давно есть, просто раньше мы её и не подавали – кому, «Энергии», что ли?! – Он хмыкнул гневно. – Ну и, само собой, работать будем, как сможем. Я чего пришёл – вот этот разговор послушать. Послушал – понял, надо!

– Приходите завтра на приём к Макарычеву, – улыбнулся Борис Игоревич, – изложите ему вашу сметку и вообще все планы.

– Дело! – Собеседник гулко, сильно пристукнул кулаком по столу и смутился: – Извините...

Борис Игоревич засмеялся. Шульце между тем встал, хотел, видимо, откланяться, но Борис Игоревич повернулся к нему:

– Всего хорошего, Арнольд Оттович. И кстати, передайте господину Пахомову, что на днях я буду на Совете Латифундистов – настал и их черёд быть ограбленными.

– Непременно передам. – Шульце вновь был спокоен и корректен. – Завтра же. А пока – всего хорошего, разрешите откланяться.

Общий поклон. Улыбка. **Взгляд.**

– Борис Игоревич, давили б вы его, – негромко произнёс кряжистый, когда за окнами процокало – Шульце приезжал в экипаже. – Гнида. Сколько крови из всей округи выпил – вам и не представить.

– Почему, как раз представляю... – Третьяков-старший посмотрел на мальчишек. – Так, поели? Мыть посуду и бегом марш отсюда.

Олег, смотревший на Бориса Игоревича с восторгом, бросился собирать тарелки, едва ли не отпихнув засмеявшегося Дениса...

...Мама работала. Перед нею лежал большой список, весь в пометках, и на сына она обратила внимание, только когда он добрался до неё, обнял сзади и, грустно вздохнув, ткнулся носом в шею.

– Ну? – сердито спросила Валерия Вадимовна, но Денис только шумно выдохнул, и она рассмеялась: – Лис, не щекотись, не смей! – и сама фыркнула ойкнувшему Денису в ухо: – Добрый вечер.

– Добрая ночь. – Денис выпрямился. – А что ты пишешь?

– Список на курсы фельдшеров и медсестёр, – сообщила женщина, и мальчишка ожилился:

– О! А ты помнишь, что ты в школу фельдшера обещала?

– Сразу после Нового года, слово твоей мамы, – торжественно пообещала Валерия Вадимовна. – Теперь ещё помещение у этой жирной твари Семской отжать... ну да куда она денется, отдаст.

– Ма, – вспомнил Денис, – что там с холерой?

Валерия Вадимовна нахмурилась:

– Искусственное заражение, – коротко ответила она. Денис резко выдохнул. Помолчал и зло сказал:

– Я ж говорил сегодня Кенесары Ержановичу...

– Он ещё не знал, я только к вечеру закончила обследование. – Валерия Вадимовна потянулась и встала. – Ладно... А ну!

Денис не успел и охнуть, как оказался партнёром в гимнастическом этюде. А женщина, выполнив номер, изумлённо приземлилась на ноги и сказала:

– Ой. Я раньше эту поддержку тебе не давала... ты что, меня удержал?!

– Извини, расту. – Денис показал матери язык, гибко и твёрдо вскинул руки над головой, «колесом» вышел из комнаты, врезавшись на лестнице в поднимавшегося снизу Олега – слышно было, как оба с грохотом обрушились на пол.

– Бестолочи, – усмехнулась Валерия Вадимовна, садясь к столу и прочищая перо промокашкой. – Так. Номер тридцать два...

...Перед сном Денис всё-таки не удержался – прокравшись к телефонному аппарату, снял трубку и, прижмурившись, с наслаждением набрал номер – на ощупь. Сдерживая дыхание, подождал длинные гудки – раз... два... три... че...

– Алё, Мелеховы, – отозвалась Настя. Денис затаился, держа трубку у самого уха. Ему доставляло удовольствие представлять себе, как сигнал идёт по проводам и выскакивает (он именно так и представлял себе – **выскакивает**) из трубки возле розового аккуратного ушка (Денис даже пальцы на ногах поджал от почти мучительного наслаждения) казачьей девчонки – чмок!

– Денис, не сопи в трубку. – В голосе Насти послышался отчётливый смешок. – Я всё равно знаю, что это ты.

– Откуда? – не выдержал Денис и засмеялся от удовольствия и радости.

– Так сопишь только ты, – безапелляционно ответила девчонка. Денис опять представил её себе и задержал дыхание, чтобы привести в порядок голос. – Ты приедешь на День Солнца?

– Я... – Денис замялся.

Собраться с духом и сказать хоть что-то связное о том, что не может оставить отряд во время праздника, он не успел.

Связь оборвалась. Воцарилось молчание – как при обрыве на линии.

Денис разочарованно посмотрел в трубку, словно ожидал там на самом деле что-то увидеть. Вздыхнул. Повесил её на рычаги. И поплёлся в ванную.

Когда он вернулся в спальню, Олег уже дрыхнул совершенно беззастенчиво. Усмехнувшись, Денис подошёл к окну – закрывать его не было нужды, закончив с резьбой по дому, он своими руками вделал в раму раздвижную мелкую сетку, позволявшую и не страдать от жары, и не пускать внутрь мошкар...

...И снова кто-то смотрел из уличной темноты – сюда, в комнату, на Дениса.

* * *

Утром оказалось, что опустился плотный густой туман. Когда Денис проснулся, Олег как раз стоял у окна и созерцал белёсое молоко, лежавшее вплотную к подоконнику, хоть протягивай руку и черпай. Денис сперва даже не понял, что это такое, и какое-то время сонно созерцал комнату, а когда понял, то сел и спросил:

– Туман?

– Осень настала. – Олег отвернулся от окна. – Всё. Скоро дожди польют...

– Главное, чтобы на День Солнца погода была хорошая, – озабочился Денис, потягиваясь. – Связь-то вчера, похоже, оборвало. Ветра вроде бы не было?

– Связь и без нас починят, если что. – Олег чуть прищурился и с отчётливым лживым равнодушием поинтересовался: – Ружья кому будешь давать? Не думал?

– Ружья **давать** буду всем. – Денис поднялся, начал разминаться. Судя по тому, что Олег к нему не присоединился, вопрос его и правда интересовал очень. – А за кем закреплю... точно не за девчонками.

– Не бойсьи? – уточнил Олег. Денис серьёзно задумался, одновременно закладывая по очереди то левую, то правую прямую ногу за затылок, и решил:

– Авось не съедят... – после чего добавил: – И ты тоже не бойся, тебе точно достанется.

– Двусмысленно как-то, – вздохнул Олег.

– Не отлынивай от разминки, – напомнил Денис. – Ты как-никак командир первого звена и моя правая рука...

– Пашке не надо, у него своего оружия – завались, – внёс предложение Олег, начиная отжиматься и сопровождая каждый жим резким отчётливым хлопком ладоней под грудью.

– Да уймись ты! – засмеялся Денис. – Я ещё и сам ни на что претендовать не буду. Так что на восемь человек точно хватит.

В дверь постучали, и привычный голос Ольги Ивановны позвал:

– Вставайте уже, завтрак.

– А мы встали, ма! – отозвался Олег весело...

– А-ло! – Борис Игоревич с недовольным лицом – и, видимо, уже не в первый раз – подул в трубку. – А-ло!

– А связи ещё вчера вечером не было, – сообщил Денис, вытирая голову полотенцем. Отец оглянулся через плечо, посмотрел невидящим взглядом и вернулся к разговору с телефоном. – Ну, как знаешь, – вздохнул Денис. – Тётъ Оль! А мама ушла уже?

– Убежала и не поела, – осуждающе проворчала Ольга Ивановна, выставляя на стол огромный поднос с оладьями, – туман следом завихрился, даже машину не дождала. Холера, сами ж знаете, объявилась... Я бы этим дуракам по рукам, по головам, да по задницам наступала, чтобы не гадили, где живут, – вот уж нечего было о них заботиться... Ешьте, пока горячее.

– Холера от диверсии, – прошептал Денис Олегу, выбрав момент. Тот округлил глаза. – Мама вчера сказала... Сегодня будем про это с нашими говорить, после репетиции.

– Вот ведь... – Олег явно удержался от ругательства и сунул в рот оладью, чтобы не дать вырваться непионерским словам. Но глаза у него были очень выразительные.

В столовую заглянул Борис Игоревич, ничего не сказал, лишь кивнул, словно только что увидел мальчишек, а через минуту стало слышно, как от дома отъезжает автомобиль...

...Туман разошёлся ещё до начала занятий в школе, и про него забыли. Но солнце скрылось за плотными низкими тучами, и Денису сообщили, что теперь оно будет еле-еле показываться до весны. Всё. Даже не осень – зима. Местная зима, можно сказать, наступила.

Как и у всех людей своего времени, у Дениса отсутствие солнца вызывало нервный мандраж и раздражение. Поэтому он порадовался тому, что предстоит канитель с оружием – все отвлекутся, вот и хорошо.

Пионеры решительно и прочно отвоевали себе здоровенный кусок школы – под самые необходимые нужды. Место нашлось практически для всего – в том числе для новорожденного музея, его заведующим стал Генка. Собственно, Денис подавал эту идею – с музеем – уже давно, но она не встретила понимания, а потом как-то выпала и у него из памяти, слишком много вокруг было дел и без того. И вдруг Генка, вернувшийся с Чёрного моря, поднял тот разговор вновь и, не обращая внимания на всё то же непонимание, занялся этим делом совершенно самостоятельно, собирая экспонаты, где только было можно, и ориентируясь на выданную Олегом из библиотеки новенькую «Пионерскую памятку по созданию краеведческих музеев». Вот и сейчас он копошился у стендов, что-то там перекладывал, возился с недавно подаренным какой-то бабулей довоенным фотоаппаратом или чем-то вроде него, при этом вполне мелодично мурлыча:

– Нэсэ Галя воду – коромисло гнэться,

За нэю Иванко як барвынок вэется... – песенку, привезённую всё оттуда же, из Империи. Денис подозревал, что Генка, понимая, что ему оружия не достанется, просто-напросто нарочито демонстрирует равнодушие. И даже усомнился: а правильно ли он делает, раздавая «Сайги» тем, кто старше? Чем вот Генка не заслужил? Но вовремя понял: с таким подходом ему придётся пилить ружья на части, чтобы каждому досталось по кусочку, а кусочки потом взвешивать – чтобы никого не обделить. «Первое решение – самое верное!» – учили его, и Денис уже не раз убеждался, что правильно учили. Пашка же на отрядное оружие откровенно не претендовал, Олег был прав – с арсеналом Бойцовых это было бы смешно...

Репетиция, естественно, сорвалась – Денис не утерпел, рассказал об оружии и вынужден был прибегнуть к командирской власти. Легко можно было предсказать, что иметь записанное оружие захотят все, начиная от девчонок и кончая младшими. В результате «Сайги» получили Олег Ветлугин, Мишка Гуляев, Санька Бряндин, Петька Минаев, Генка Раймонд, Тимка Ланц, Витька Шацких и Алексей Гордеев. Сейчас они все под завистливыми взглядами остальных готовились к первому выходу на пристрелку. Денис решил проверить оружие за посёлком, но не там, где они когда-то стреляли с Мишкой, на прудах, а в другой стороне, где начиналась степь и было немало удобных ложек. Весь небольшой отряд надел форму и сейчас получал от Дениса патроны – по десять пулевых и по пять с картечью, а Надюшка Минаева заполняла расходную ведомость с таким видом, как будто сама собирается стрелять. Олег старательно вносил данные об оружии в новенькие пионерские книжки счастливицев – под роспись и печать. Разрешения полиции в книжки уже были внесены и заверены, причём для всех пионеров, из чего Денис заключил, что – если это только не ошибка впопыхах – оружие пришлют и ещё.

– Когда-нибудь вся эта чушь станет ненужной, – сердито сказал он, швырнув в мусорный ящик ещё одну распотрошённую упаковку из-под патронов. – Дали, взял, ушёл – и пользуйся.

– Ага, только сейчас лучше всё-таки под роспись и печать, – солидно заметила Надюшка. Денис скептически хмыкнул и, выдав патроны Лёшке Гордееву, с облегчённым выдохом выдернул из-под погона и ловко нахлобучил на голову берет, а потом поправил на поясе кобуру «Байкала» – он впервые открыто надел пистолет:

– Ну а сейчас выдвигаемся на пострелушки!..

...У Дениса создалось твёрдое ощущение, что мальчишки были бы совершенно не против, если бы до предполагаемого стрельбища надо было три раза пройти весь посёлок. Идея идти строем – в колонну по два, что сперва не предполагалось, – оказалась очень к месту. Он, признаться, и сам удивился – хотел, если честно, просто посмотреть, к чему привели строевые тренировки, а вместо этого, сам того не желая, оказался во главе настоящего военного отряда. Мальчишки в форме, с «Сайгами» за плечом, выглядели внушительно и сами это отчётливо

осознавали, косили по сторонам важно и гордо. На взгляд Дениса, впрочем – ещё и смешно, однако он понимал, что смешно это для него, привычного к подобному.

Попадавшие навстречу взрослые люди смотрели в основном изумлённо-обрадованно, а мальчишки – робко и завистливо. Настолько завистливо, что даже не осмеливались пристроиться в хвост идущим, а только застывали на месте и провожали взглядами вроде бы хорошо знакомых и в то же время таких недостижимых соседей и приятелей.

В некоторых же – немногочисленных, но явственных – взглядах Денис заметил ненависть...

...За посёлком строй распался, и ребята сошли на обочину. Кто-то попробовал на ходу поиграть прикладом – Денис немедленно цыкнул. Разговор зашёл о предстоящем празднике, о разных семейных делах и – конечно – об Империи. А за такими разговорами дорога кажется короче, и вскоре отряд незаметно отмахал всё расстояние до намеченных Денисом балок. Одна подходила идеально – есть некрутые спуски, почти двести метров длиной, с ровным, ничем не заросшим дном.

– Отдыхаем, – скомандовал Третьяков-младший, снимая с пояса сумку.

В сумках у всех лежали припасённые из недавно созданного отрядного НЗ галеты и по среднего размера банке колбасного фарша с зеленью. Были там же и фляжки с водой, но в балке выбивался из-под выступающих из глинистого откоса двух чёрно-серых базальтовых глыб родничок. Мальчишки развалились – кто полулёжа, кто сидя со спущенными с края ногами – над самым родником и не спешили приниматься за еду. Они смотрели по сторонам, вверх – и взгляды у всех были удивлёнными и довольными. Словно у законных хозяев, озирающих своё поместье.

– Может, тут постоянное стрельбище сделаем? – вдруг предложил Тимка Ланц. Денис пожал плечами:

– Да можно.

– Тогда надо родник в порядок привести, – продолжал Тимка. – Я возьмусь. Поставим навес, воду возьмём в трубу...

– Лучше камнем выложить, – возразил Витька Шацких. Тимка покосился на него:

– Ну и давай со мной.

– Ну и сделаем, – ответил Витька. – Скамейки и стол вкопаем. А ещё я Вовке кружки закажу. Штуки три. Он ловко по жесту стучит... Повесим их на специальную подставку, и будет совсем нормально.

– А я дистанции для стрельбы размечу, – не выдержал Денис. – Обзаведёмся и впрямь своим стрельбищем, ни к кому не проситься.

– Мы стрелять-то вообще будем или поедим, полежим и обратно пойдём? – поинтересовался Мишка.

Но мальчишки ещё какое-то время всё-таки ленились, созерцая полевую дорогу, уводившую куда-то петлями. Денис невольно поддался общему настрою, а потом стал всматриваться – ему начало казаться, что на дороге что-то движется...

– Кажется мне или там кто-то идёт? – вдруг спросил Олег, будто подслушав его мысли, вставая и снимая с бока новенький бинокль.

– Тебе тоже? – удивился Денис, но Олег, не отвечая, шагнул на небольшой пригорок, поднял бинокль и замер. Остальные смотрели на него – движение теперь различали все.

И тут Денис увидел, как его друг побелел – именно побелел, с лица отхлынула краска. Опустив бинокль, Олег выдохнул, не поворачиваясь:

– Уйгуры. Орда. «Жажда солнца»...

Короткая дрожь пробежала по мгновенно вскочившим мальчишкам, как по единому живому испуганному организму. Денис свёл брови. Он знал об уйгурах достаточно много ещё до приезда в Семиречье. Когда-то, в период Безвременья и начала Серых Войн, они овладели

большинством этих территорий, безжалостно вырезая всех, кто отличался от них, людоедству на «государственном уровне» и уничтожая всё на своём пути. «Государство» уйгуров рухнуло под ударами оправившихся русских, ответивших на зверский геноцид не менее кровавым истреблением, их остатки были размётаны и разогнаны. Впрочем, огромную роль в деградации этого народа сыграло и то, что, не в силах осознать опасность долговременного радиационного заражения местности, уйгуры сплошь и рядом селились в местах, откуда ушли и русские, и казахи, и китайцы. Более того – ставили себе в заслугу «страх, спущенный на врагов»! И когда началось стремительное и безжалостное вырождение – по-прежнему не могли связать происходящее и своё расселение. В какой-то степени русские, выбившие их с захваченных мест, спасли остатки народа...

В настоящее время уйгуров всё ещё было довольно много, но они скитались ордами во главе со своими тойонами в пустынных, диких местах, ещё толком никому не принадлежавших, – постепенно вымирая от уже необратимых изменений в генетике. Чаще всего эти орды были неопасны, при прямом столкновении стремились уйти, скрыться, избежать даже не стычки, но и просто встречи с хозяевами мира. Однако уйгуры так же, как некоторые другие народы – закономерность пока не была выявлена, – оказались подвержены так называемой «жажде солнца». Приступы массового буйного сумасшествия могли овладевать большими группами больных, стоило солнцу исчезнуть. Эта психическая болезнь могла не проявиться и при многомесячном отсутствии светила – а потом вдруг вспыхнуть, если солнце не показывалось день-другой.

Охваченные этим психозом начинали совершать дичайшие поступки. Как правило, они обрушивали неконтролируемый гнев попеременно со страхом на «чужих», оказывавшихся рядом: убивали, не щадя и не разбирая пола и возраста, жгли посёлки, уничтожали поля и скот... Было очевидно, что ордой, которую наблюдали мальчишки, владел именно такой приступ. Тёмная толпа катилась к посёлку прямо через степь – словно кусок овеществлённой и обретшей плоть Большой Ночи Безвременья. Скорее всего, именно те из уйгуров, кто сохранил способность соображать, уничтожили ночью телефонную связь – а звериная хитрость, тучи и туманы позволили им скрытно пробраться вплотную к населённым районам...

Денис быстро огляделся. Снова бросил взгляд вперёд. В орде навскидку было не менее трёхсот... **существ** – компактная тёмная толпа, над которой мотались какие-то значки на палках, быстро приближалась. Что случится, если она ворвётся в ничего не подозревающий посёлок, – было совершенно ясно. Конечно, безумцы будут истреблены довольно быстро. Но сколько они успеют убить и сколько успеют разрушить...

– Бежать надо... – пробормотал Тимка Ланц. – Бежать... предупредить...

– Они на нашем загривке в посёлок въедут, – возразил Мишка. Его лицо подёргивалось – он думал о своём только-только достроенном хуторе. – Вон как несутся.

– Минут через пять-семь будут тут, – прошептал Лёшка Гордеев почти зачарованно и сделал шаг назад.

Денис боковым зрением уловил этот шаг – первый шаг к позору, к развалу всего, что было с таким трудом создано, к стыду и гибели. И, не поворачиваясь, никого не называя, громко, резко произнёс:

– Отряд, слушать мою команду! Стано-вись!

Он имел право так командовать.

И ещё – по-детски щёлкнул пальцами на счастье, а потом чётко выбросил руку в сторону. И перевёл дух, как будто всё самое страшное уже кончилось – а точнее, не произошло, – когда ощутил рядом плечо Олега. А дальше заметил краем глаза, как встали в ряд остальные.

Все семь...

...Нет, лукавить не будем – вырвавшаяся из ближней ложбинки толпа не остановилась сразу. Слишком велик был захлестнувший их разум страх перед возвращением Тьмы, слыш-

ком близко была беззащитная добыча, слишком малочисленны были защитники (что это подростки – погромщикам просто не могло прийти в голову). Ни бешеный бег, ни дикий вой не стихли. Но... совершенно неожиданно сквозь них полоснул ясный и звонкий крик команды – крик, пробивший броню безумия, потому что он напоминал то, как били и гнали их отцов вот такие небольшие, сильные сплочением, дисциплиной и холодной яростью отряды русских.

– Отряаааа... картееееч... товсь!

Щёлк. Откинулись приклады.

Клац. Дёрнулись затворы, вгоня первый патрон.

Бум. Выстроились в линию носки ботинок.

Именно в этот момент всё изменилось. Бежавшие в первом ряду – самые отчаянные, самые распалённые – вдруг увидели, что перед ними не десяток сумасшедших детишек. Нет.

Перед валом погромщиков стоял военный отряд.

Одинаково прищуренные глаза под обрезом беретов.

Неподвижная линия чёрных дыр стволов.

Застывшие языки пламени – галстуки на груди.

Одинаково чуть выдвинутый вперёд корпус.

Ровная черта носков левых ботинок – пыльных и словно бы вросших в землю.

Во всём этом была какая-то непонятная и жутковатая уверенность, пересиливавшая муть, застилавшую мозг орде. Словно на дороге выросла непреодолимая стена, а не кучка русских.

Вал остановился. Колеблясь, хрипя, взвизгивая, напирая, остановился, потому что – пока ещё не в страхе, скорей в недоумении – остановились вожаки.

Мальчишка на правом фланге бросил травинку, которую грыз, поднял к плечу короткий чёрный пистолет и резко, высоко прозвенел вторую команду:

– Целься в пояс! Огонь на поражение по команде! – и – к толпе, ясно и коротко: – Прочь!

Миг.

Другой.

Третий.

Толпа начала рассыпаться. А потом просто рванула во все стороны – уже с другим воем, не жадным и безумным, а трусливым и жалким, топча и сшибая друг друга...

...Денис опустил руку с пистолетом – точнее, уронил, «Байкал» вдруг показался страшно тяжёлым, а рука затряслась. Вспыхнул стыд – ребята видят, как его трясёт, – и он не сразу посмел поднять глаза на свой отряд. А когда поднял всё-таки...

Мальчишки смотрели на него – и друг на друга – с каким-то подобием ужаса, который раньше называли бы «священным». Казалось, они не узнают ни друг друга, ни Дениса, да и ничего вокруг, а пытаются понять: это что же, они только что повернули назад целую орду?! Не в кино, не в книжке, не в журнале... значит – ЭТО – правда?! Значит – МОЖНО?! Значит, ОНИ...

Но никто не успел оформить своего восторга в слова (а точнее – в дикие ликующие вопли с прыжками и подбрасываньем вверх ружей). Кто-то (потом Денис так и не вспомнил, кто именно) крикнул отчаянно:

– Смотрите! Там!

Там, откуда они пришли, в стороне посёлка, поднималась видная даже отсюда стена огня.

* * *

Пожар в посёлке был самым настоящим бедствием, особенно если учесть, что горели жилые кварталы, сплошь и рядом построенные без соблюдения каких-либо противопожарных норм, и пламя гуляло с крыши на крышу с лёгкостью ветра. Пожарной команды в посёлке про-

сто-напросто не было, это упустили из виду все, и он, вернее всего, выгорел бы весь подчистую, если бы не последние события и не то, что люди – если и не все, то очень многие – понимали: им есть что терять, особенно теперь.

Когда отряд Дениса вернулся – бегом – в посёлок, то с огнём уже боролись, причём и пионеры тоже – задержавшийся в школе Пашка организовал всех на тушение при первых признаках пожара. Сейчас он, соскочив к Денису с крыши, которую усердно проливали водой, крикнул:

– Подождли! Уйгуры подождли, из Лихобабыей прискакали, их дозор орду заметил! Казаки их преследуют!

– Да не уйгуры! – взвыл Денис, которого осенила внезапная и страшная догадка. – Кенесбаев где?!

– Да вон! – удивлённый Пашка вытянул руку – чуть подальше на улице рядом с только что подъехавшей рудничной помпой «нарисовались» начальник полиции и Макарычев. Ещё чуть дальше улицу уже перекрывали страшные дрожащие арки пламени – соединились, взметнувшись с домов и слева, и справа. – Ты чего?!

Но было уже поздно – Денис со всех ног рванул туда, на ходу крича и перекрывая криком жутковатый монотонный рёв пламени:

– Кенесары Ержанович! Они не поджигали! Они сюда вообще не прошли!

– Конечно, не поджигали! – ответил казах, ничуть не удивившись появлению Дениса и сразу поняв, о ком он говорит. – Загорелось сразу в нескольких местах. Кто-то очень ловко и точно всё рассчитал – поджог практически совпадал с появлением этих безумцев, а потом – кто бы стал разбираться, от кого и от чего выгорел посёлок?! Никто же и подумать не мог, что вы окажетесь на пути орды!

– Кенесары, я сейчас ещё пару помп пригоню. – Макарычев прыгнул на подножку своей машины и, уже отъезжая, крикнул: – Денис, твои не дома, они тоже на пожаре! – Денис махнул ему рукой и повернулся на вопрос – а точнее, просто на слова Кенесбаева:

– Я только не пойму, почему они в посёлок не ворвались...

– Ну... мало ли... – Денис вздохнул и, махнув рукой, побежал обратно к своим.

Кенесбаев проводил его внимательным и задумчивым взглядом...

...Кое-как справиться с огнём удалось только к вечеру следующего дня. Но уже было ясно, что жилые рабочие кварталы выгорели наполовину. Огонь только благодаря самоотверженности людей не дошёл до складов взрывчатки и окислителей для проходческих работ – а на такой исход поджигатели явно рассчитывали.

Шатающийся, какой-то опустошённый, в рваной форме, покрытый ожогами, Денис кое-как добрался домой (Олег с матерью были у кого-то дома, помогали с маленькими детьми). Он почему-то думал, что их дом тоже сгорел, но дом был цел, вокруг зеленело... и мальчишка неожиданно ощутил страшную злость на собственное благополучие.

Отец был во дворе. Он сидел на ступеньках – и мама обрабатывала ему лицо, ожоги на лбу и щеке. Увидев сына, Борис Игоревич кивнул; Валерия Вадимовна, занятая делом, на мальчишку внимания не обратила. Денис подошёл и сел возле отца. Помолчал, потом спросил тихо:

– Что же теперь делать, пап?

– Теперь? – Борис Игоревич вдруг хмыкнул весело. – Теперь... теперь слушай, – и неожиданно прочёл:

– Монтёры!

Вот вам разорённая страна.

У вас в сумке – два гвоздя и кирпич.

Имея это – постройте город!.. Я не помню, чьи это стихи, но именно этим мы и займёмся, Дениска.

Если честно, Денис не понял отца.

Глава 2

Поступь империи

22 сентября было обычным пасмурным днём. Тучи так и не расходились, и настроение царило далеко не праздничное. Во-первых, потому что считалось хорошей приметой, если в этот день солнце всё-таки есть. А во-вторых – потому что посёлок всё ещё продолжал считать потери.

Погибших во время пожара было не так уж и много, всего несколько человек. (Очень сильные ожоги рук получил Аркадий Тимофеевич – градоначальнику пришлось в какой-то момент тушить огонь вместе со всеми.) Но вот сгоревшие дома – это было хуже. Намного хуже. Погорельцев размещали, где могли. К Третьяковым временно перебрались Васюнины и Минаевы, отчего в большом доме стало довольно тесно... А самым часто задаваемым вопросом стало: «Как дальше-то жить?!» Казачьи патрули переловили в окрестностях немало уйгуров, но те ничего не могли объяснить внятно и связно, и трясти их было бесполезно: приступ он и есть приступ, толком никто ничего не помнил и не понимал.

«Энергия» демонстративно выделила погорельцам кое-какие суммы, причём намекнула: раньше бы выделили больше, но финансовые дела на шахтах идут плоховато, если с кого и спрашивать – то с новой власти... У многих начали опускаться руки, особенно у тех, кто затеял какое-то дело и разом всё потерял – а таких было много. По посёлку поползли шепотки и слухи; лобановский кооператив «Дружба» лишился разом пятой части своих членов, и, не будь Тимофей Ильич таким решительным и крутым человеком, неизвестно, чем бы вообще всё закончилось. Помогли также боны поселкового фонда. И всё равно в воздухе ощущалось гнетущее напряжение...

Этим утром за столом (за которым было страшно тесно) Денис решил.

– Может, не надо на сегодня нашей программы, па? – хмуро спросил он, толкая по опустевшей тарелке вилкой кусочек хлеба. – Мы горе никак не разгребём, а тут ещё... напоминание.

На Третьякова-младшего обернулись разом все, и он почувствовал себя неудобно ещё до того, как Третьяков-старший ответил.

– Надо, – неожиданно резко, почти приказным тоном, возразил отец. – Как раз надо. Очень надо. И вообще, – он вдруг улыбнулся и подмигнул, – это что за настроение? У вас программа, а у нас кое-какой сюрприз...

– Какой, Борис Игоревич?! – тут же высунулся двенадцатилетний Петька Минаев. Его отец кашлянул и пристукнул среднего по затылку. Потом смутился и обратился к Валерии Вадимовне, которая уже собиралась встать – точнее, вскакивать – из-за стола:

– Валерия, значит, Вадимовна, а что там медицина насчёт подзатыльников это самое?

– Вылепил, – вздохнула его жена. – Сидел бы молчал да жевал поскорей, на работу опоздаешь.

– Так выходной сегодня... – начал было Минаев-старший, но жена непоколебимо его отбрила:

– Тем более в школу на праздник пойдём, а у тебя щетина не кошена по всему облику.

– Почему, вопрос насчёт подзатыльников интересный... – протянула между тем Валерия Вадимовна и отпустила лёгкого леща Денису.

– За что-о-о-о?! – возмущённо взвыл тот. – Пааааа!!! Кто в этом доме старший?!

– М? – Борис Игоревич сделал вид, что очень занят завтраком.

– Хлеб доешь и не балуйся им, – невозмутимо ответила мать под затаённое хихиканье остальной кучки разновозрастных детей за столом и улыбки взрослых.

– Ты роняешь мой авторитет перед младшими товарищами... – уныло произнес Денис, подбирая хлебом остатки подливки от свиной поджарки и отправляя его в рот. Про себя он отметил, что маме нравится вся эта орда. И подумал печально: жаль, что у меня не будет брата или сестры. Поднял глаза, встретился взглядом со взглядом Олега – немного встревоженным – и улыбнулся.

Кстати, а что у отца за сюрприз-то?.. Он так задумался над этим, что вынужден был бегом догонять остальных, когда они уже вышли из дома и шагали по улице к школе – уроков нет, но кружки, секции и цеха работают, а уж к празднику нужно готовиться в последние часы как можно усиленной, всегда вылезают кучи недоделок. Презик проводил бегущего Дениса укоризненным взглядом: с ума сошёл, что ли, разве можно так носиться, это ж для здоровья вредно... Пёс вздохнул и отправился к соседскому забору, за которым его тихо ждал Никитка. Тот, впрочем, последнее время тоже вёл себя как-то странно – больше не пролезал через забор, только руки просовывал, чтобы приласкать Презика, а ещё часто потихоньку плакал... Пёс не мог понять, что к чему...

...Денис больше всего боялся, что кто-нибудь уйдёт из пионеров. Но вместо этого обнаружил, что авторитет отряда взлетел на буквально грандиозную высоту. История о том, как десяток мальчишек остановил и повернул орду погромщиков, попала не только в местную, но и в центральные газеты, и даже в имперские – более того, Третьяковым позвонили из редакции «Пионера», и весёлый молодой голос уговорился с вызванным к трубке Денисом, что в конце этой осени «к вам подъедет человек и всё напишет про вас! Салют, брат по оружию!» Все видели и то, как пионеры сражались с огнём и как помогали погорельцам (Денис, да и вообще никто не отдавал на это никаких распоряжений – всё получилось само собой). В общем, когда утром 22-го вся компания нынешних обитателей дома Третьяковых во главе с Денисом пришла в школу, то обнаружила возле «пионерской» её части почти четыре десятка мальчишек и девчонок из самых разных семей – сосредоточенных, даже немного возвышенных (насколько это слово вообще могло употребляться по отношению к детям из Седьмого Горного), по мере возможностей «парадно» одетых и явно ожидающих Дениса. Увидев его вся эта орава – иначе пока что определить было трудно – поднялась и даже судорожно приняла подобие строя. Все они напряжённо молчали, пока кто-то из-за спин остальных – и поэтому более-менее смело – не объявил:

– А мы это... хотим тоже... в пионеры записаться...

Денис чего-то такого ожидал ещё издавека, как только увидел эту компанию. Поэтому сохранил внешнее спокойствие – а про себя буквально возликовал. А вот кое-кто другой молчать не стал...

– К нам попасть непросто, – важно объявил Алька Васюнин, гордо поправляя на рыжих лохах форменный берет. Но поразить вероятных кандидатов описанием сложностей процедур вступления он не успел – сестра сердито у него поинтересовалась:

– Тебе вот такую чушь говорили, когда ты вступал?

А Петька Минаев добавил мечтательно:

– Помнится, год назад кто-то полез в сад к Амирычу. И прибежал домой весь в слезах и соплях, с голым задом, да ещё и солёным... Васюнь, так оно было или нет?

– Это была классовая борьба, – слегка смутился Алька под напором старших. Но топорщить локти и вставать на цыпочки перестал.

Денис между тем оглядел ребят и девчонок напротив. Посчитал взглядом – двадцать три пацана, одиннадцать девчонок. И доброжелательно обратился сразу ко всем:

– Сегодня праздник, вы ведь знаете? – Кивки, бормотание. – После праздника приходите на это самое место. Мы с вами немного поговорим, и там решите точно – вступать или нет. Сразу после праздника. Кто не придёт – значит передумал, ничего страшного. Но я буду тут ждать.

Больше Денис ничего говорить не стал, только кивнул сразу всем и направился в школу...

...Здание готовили к празднику с позавчерашнего дня. На входе располагался контроль под руководством Пашки Бойцова – превентивная мера против пьяных, которых было велено не только не пускать, но и фотографировать, для чего пост вооружили одним из двух новеньких отрядных «Зенитов». (Пьяные у Дениса вообще вызывали самое большое отвращение и даже злость, особенно его бесили рассказы про «тяжкую жизнь» и про «русскую народную традицию». По мнению мальчишки, если у тебя жизнь тяжкая – не стоит её добавочно отягощать, а традиции пить у русского народа не было никогда. Даже когда в определённые исторические периоды у некоторых властей появлялась традиция его спаивать.) В самом же здании Денис первым делом нашёл Ишимова.

– Сделал?! – прошептал Денис Генке, даже в угол слегка оттеснив его. Генка кивнул, заулыбался и показал сразу два отставленных вверх больших пальца. Потом погрустнел:

– Сделал... Только смотреть и слушать очень страшно. Правда.

– Ну что ж страшно... – Денис поправил берет. – Куда деваться... Ладно! – Он хлопнул Генку по плечу. – Значит, это всё на тебе. Сценарий держи на коленке, чтобы всё момент в момент.

– Понял! – Генка отсалютовал и нырнул в аппаратную...

...В общем, если кому этот день и был праздничным, то только не Денису Третьякову. В посёлке и окрестностях праздник пошёл вовсю, его отмечали кто как мог и в меру средств и разума. Большое собрание в актовом зале школы должно было состояться вечером, но летучие группы пионеров уже выступали и занимались агитацией в разных концах Горного. Соответственно были желающие это дело испортить, и Денису не миновать бы в этот день личного участия в нескольких драках, если бы – совершенно неожиданно – буквально через час после того, как он пришёл в школу, возле ограды не привязали коней почти два десятка казачат. Желтоглазый Ромка пожал удивлённому Денису руку и солидно объявил:

– Нас Круг отрядил, посмотреть, что и как. Ну и помочь в праздник.

(Забегая вперёд, можно сказать, что, стоило верховым казачатам с нагайками появиться хоть где-то, то любые намёки на даже небольшой скандал исчезали сами собой, так что Денис, сначала немного насмешливо подумавший: «Ну да, великая помощь!» – ошибся, и здорово...)

– А Настёна со мной напросилась, – буркнул Гришка, подходя позже остальных – рядом с Настей.

«Попал и пропал, – подумал Денис, столбенея. – Никакой работы не будет. Я ж от неё не отойду».

– Прздравствуй, – вылепил он совершенно идиотскую словесную конструкцию. – Я хотел к вам приехать, но тут всё закрутилось с этим пожаром... – Он отчаянно огляделся и обнаружил, что вокруг никого не осталось, у всех нашлись какие-то свои дела, а не в меру любопытного Пашку Илюхина, подталкивая перед собой коленом, увела Милка Раух, которой срочно понадобились «мужские руки». – Пошли, я тебе покаж... – оживился Денис и, ужаснувшись своему дремучему идиотизму, окончательно замолк – в отчаянье от происходящего.

Настя, одетая «под верх», совершенно спокойно подошла вплотную, сделала так, чтобы Денис взял её под руку и тихонько сказала:

– Я вот подумала и приехала. Я не буду мешать... – Денис издал икающий звук, – ...я просто посижу, мне интересно. А ты делай свои дела, у тебя их полно, я понимаю.

– Настяааа... – благодарно провыл-простонал Денис. Казачка засмеялась – без какой-либо обиды – и Денис повёл её в актовый зал. Словно сама собой, сбоку пристроилась чуть в стороне Надюшка Минаева, а улучившая момент Васюня подала Денису страничку из блокнота с надписью:

Ни кисни. Надька за ней посмотрит и с ней побудит если что.

Денис ответил благодарным взглядом и подумал изумлённо: «Ну откуда что берётся?!» Потом исправил в записке ошибки и повёл Настю на место...

...В общем, к началу мероприятия у Дениса уже потихоньку начали отваливаться ноги, и, когда стал гаснуть свет и пропели невидимые фанфары, он, проскочив мимо собственных родителей, сидевших с краю ряда, рухнул в кресло рядом с Настей, думая только о том, что это здорово – просто сесть. Однако – этой малодушной мысли хватило лишь на мгновение, потому что свет погас совсем – и в темноте зазвучал полный жестокой печали девичий голос. Пресекая весь шум, который ещё остался в переполненном людьми зале...

– Лишь на мгновенье прижать к груди...
Жди, женщина. Жди.
Канули в ночь, что впереди...
Жди, женщина. Жди.

Кони летят в ночь – вскачь...
Плачь, женщина. Плачь.
На погребальный покров – плащ...
Плачь, женщина. Плачь.

Смертной рубахи
бел
лён...
Сбылся твой сон...⁴

Пальцы Насти безошибочно нашли руку Дениса и сжали её...

...Да, отряд постарался. Слов нет. Денис мог бы и покритиковать, потому что ему было с чем сравнивать – но вот критиковать и не хотелось. Совсем. Хотелось смотреть и слушать. Правда – временами, наоборот, ни того, ни другого **не** хотелось. Слишком жуткими – казалось бы, общеизвестными, но жуткими! – были вещи, о которых рассказывали со сцены... Денис совсем забыл, что ему надо что-то «оценивать», а потом «высказывать мнение». Что оценивать, какое мнение можно высказать, когда в зал с болью, почти со слезами падают слова мальчишки – стоящего на фоне развалин, про которые даже забываешь, что они – нарисованные, что это просто декорация...

– Но и потом,
без войны,
через мирные годы –
уроды,
рахиты,
покрытые вшами народы,
слюни на подбородках
хихикающих дурачков...
Хвост у дракона –
страшнее клыков...

...Снова погас свет. Уже не в первый раз за вечер зажётся луч проектора. На экране возникла алая надпись:

⁴ Стихи Элхэ Ниэннах.

ВСЁ, ЧТО ВЫ СЕЙЧАС УВИДИТЕ, БЫЛО ЗАПИСАНО И СНЯТО В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

ПЕРЕД ВАМИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ ТОЙ ЭПОХИ.

Денис быстро обернулся – по лучу света, туда, где в аппаратной сейчас колдовал Генка с помощниками... И – снова повернулся к экрану...

...Девчоночий голос – весёлый, но в то же время какой-то недовольный – заговорил, заставив всех вокруг замереть от неожиданности и изумления: ведь голос был из ТОГО мира...

Приехали на базу Витькиного отца. Предки наши совсем ополоумели, устроила нам этот корпоративчик для младших. Твердят, что началась война между Россией и НАТО. А нам какое дело? Мы живём в Казахстане. Ну да ладно, хоть тут и скука, зато в школу не ходить.

Ролик – два десятка странно, почти нелепо одетых мальчишек и девчонок разного возраста на фоне приземистого здания с широкой верандой вопят какую-то чушь и машут руками и рюкзачками. Изображение смещается – красивая девчонка задирает нос и говорит звонко: «Это я, хааай!»

...Чума!!! Кажется, и правда началась война! Ядерная! Прослушали по телику, как будто во сне, младшие, похоже, вообще ничего не поняли...

Зал молча слушал, глядя на экран. Короткие реплики шли на фоне снимков – всё более и более жутких, всё более и более безнадёжных. Иногда появлялись маленькие ролики...

...Всё время идёт снег, всё вокруг завалило. Летом снег!!! Играли в снежки, так чудноО...

Какой-то мальчишка с немного растерянной улыбкой стоит на фоне зелёного дерева, листва которого покрыта снегом.

...Солнце последний раз видели пять дней назад. Показалось в тучах и пропало. Почти ночь. Тучи очень страшные, как будто живые. И совсем низко. Связи никакой нет, и ничего не работает. Хорошо, что много топлива для генератора, и еды тоже хватает. Может, наши приедут за нами?..

...На миг ожила моя связь. Это было как страшное чудо: голос папки, и только два слова: «Дочунька, прощай». И всё. Я трясла коммуникатор, трясла, кричала, потом хотела разбить. Не стала. Вдруг опять?!

...Буду делать фотки и записи, пока есть батареи и память. Старые хотела стереть, но не стала, рука не поднялась. Часто смотрю, какая была жизнь до всего этого, и плачу. Только чтобы никто не видел. Никто за нами не приедет. Ветер дует такой, что ломает у деревьев верхушки, лес всю ночь стонет. И какое-то постоянное зарево вдалеке. Страшное...

...Мальчишки взломали оружейный сейф и весь день возились с этими штуками. Как малолетки дурные. Ещё нашли запасы тёплой одежды, а вот это хорошо, в пончо из одеяла и обмотках чувствуешь себя душой...

...У Маринки день рождения, пятнадцать лет. Было так весело, смеялись и танцевали все, даже младшие выделялись. А потом, когда мы их спать загоняли, Вовчик вдруг говорит: «А когда папа за мной приедет, мне надоело тут гостить!» Раскапризничался, я с ним сидела. Раньше я бы его просто обругала и стукнула, чтобы не сопливил. А тут сидела и какую-то байду рассказывала, сказку...

...Еда почти кончилась. Был ещё непочатый ящик консервов, но Марк и Сашка ночью сегодня убежали и почти все консервы забрали. Дураки. Дорога завалена вровень с серединами деревьев. Я даже не злюсь на них, хотя они предатели. Дураки...

...Илья застрелил овцу. Смешно – прямо рядом с домом...

Плечистый светловолосый паренёк лет шестнадцати, тепло одетый, рядом с трупом овцы – поставил на него ногу, под мышкой – ружьё.

...Почти у всех болят глаза и голова. Тошнит. Несильно, но всё время, так погано... Только сказал, что это лучевая болезнь и что всё вокруг радиоактивное. Но испугаться не получается. То, чего не видишь, не страшно...

...Есть нечего. Кажется, мы тут уже седьмой месяц. Или я попуталась? Но уже реально очень долго. Ни на что не надеюсь, но младшим всё время говорю, что нас скоро найдут. Илья, Маринка и Толька тоже так говорят. Тошка молчит, он уже давно почти всё время молчит или огрызается...

...Тошка сказал мне, что мы так умрём с голоду и что надо убить и съесть кого-то из младших. Я думала, он шутит и только обругала. Но ночью он хотел перерезать горло Светланке. Ранил её в плечо. Илья... я не могу говорить. Надо. Надо... Илья убил Тошку. Случайно. В драке, вырвал у того нож, а Тошка схватил ружьё. Илья ударил. Мамочка, как страшно. Толька и Илья отвезли Тошкин тр... труп в лес, на сколько смогли, и кинули там...

...У меня язвы на руках. И на щеке одна. Не болят, но мерзко так... Лёня один ничем не болеет. Только еле стоит на ногах от усталости. Он за всеми ухаживает, такой малёк. Когда у кого-нибудь получается набраться сил, то пытаемся помогать. Но нечасто. Падаем...

... Первый раз в жизни пыталась молиться. Глупость, конечно. Толька тоже молится, но как-то странно – солнцу...

... мер...

...умер...

...умерла...

...умерли...

...умер...

...Илья и Маринка умерли в одной комнате и почти одновременно. Лежали на кровати, обнявшись. Я завидовала раньше, что Маринка красивей меня, но в последние дни она превратилась в живой скелет, ужасно. И всё-таки Илья её обнимал. Я кое-как заколотила дверь в их комнату. Глупо, зачем? Но подумала, что так им будет спокойнее...

...Интересно, холодно ведь, и Тошкино тело, наверное, просто замёрзло. Как мясо в морозилке. Нет, про это думать нельзя. Я не буду думать про это...

...Толька принёс лису. Лиса тощая и больная. Она ела там, в лесу... ну, Тошку ела. Толька сказал, признался, что ходил в лес, чтобы принести человечины, а нам сказать, что убил кого-то. Но там была лиса, и он принёс лису. Лёг и не встаёт. Ничего не видит...

Голос поскрипывает и шуршит...

...Мамочка, мама, где ты, мамочка?! Умерли все. Живы только Лёня, я и Толька. Но Толька уже двое суток не приходит в себя. У него отовсюду течёт кровь, даже из глаз. У меня тоже часто начинается. Я помогла Лёне собрать вещи и остатки еды, он нашёл лыжи. Не хочет уходить. Боится один и говорит, что будет предателем, если нас оставит. Глупый, мы уже умерли. Конечно, он всё равно никуда не дойдёт, но зачем ему одному в доме с мёртвыми. Мне его жалко, как он останется один в восемь лет и в таком мире? Но всё-таки. Отдам ему коммуникатор. Себя не фотографирую. Зачем снимки лысого скелета? Прощайте все. Если кто когда это всё услышит и увидит, то хорошо. За что нас убили? Кто нас убил? Я ничего не знаю. Я только очень хочу верить, что это всё зачем-то было нужно. Что в этом был хоть какой-то смысл. Иначе всё слишком уж страшно. Лёня, бери и иди...

Снимок – худое лицо мальчика в меховой оторочке капюшона, большие глаза без слёз, губы что-то говорят. Неслышно, но видно, что – умоляюще.

Запись – без изображения, мальчик всхлипывает, маленький, голос рвётся и дрожит...

...Я уже много дней иду. Есть нечего. Холодно и очень страшно. Я умру, наверное. Все умерли и я умру. Живых никого нет нигде. Мне страшно, мне страшно, мне страшно...

Снова ролик – всё качается, всё дёргается, слышно, как кто-то хрипло дышит и твердит, голос детский совсем, еле слышный:

– Дошёл... я дошёл... помогите...

В полутьме приближается тёмная масса и мощный свет прожектора, он слепит съёмку. Плачет мальчик...

...Зал вздрагивает – волной, потому что экран гаснет и на сцене – в круге света – Олег. В форме. Немного бледный или так кажется от света? Неважно... Теперь уже – его голос:

– Лёня Васильев дошёл до людей. И это оказались **люди**, не звери в человеческом облике, каких было много тогда. Его правнучка передала нам этот уцелевший прибор, коммуникатор, и мы прочитали записи на аппарате, собранном в отряде по чертежам, присланным из Верного.

По залу – снова волна. Выдох. Единый, дружный. И слышные то тут, то там отчётливые всхлипы. Олег делает шаг вперёд и в сторону, свет плывёт за ним...

– Лёня Васильев дошёл до людей и увидел вернувшееся Солнце. Оно светит нам и сейчас. Всем нам. Хотя... – Олег вскинул голову, обвёл взглядом зал. – Иногда я думаю: зачем оно светит? Не противно ли ему – после всего, что было **тогда!** – освещать то, что есть **сейчас?!**

На экране – всплывает эмблема: белая с зелёной полосой поверху и с большим красным персиком в середине, с надписью «ППА – Партия Плоды Азии».

– Партия «Плоды Азии», – говорит Олег. – Ассоциированный член Большого Совета Латифундистов... – Мелькают кадры: машины, экипажи, кабинет, за овальным столом – холёные люди, их лица – ближе, улыбки, снова эмблема, грузовики везут ящики, ряды бидонов и банок.

Ряды фруктовых деревьев. Между ними – тоже ряды, ряды женщин, согнутых под тяжестью корзин за плечами. Лицо – в коричневом загаре, глаза запали, в этих глазах почти ничего осмысленного.

Всадник-надсмотрщик – с пистолетом на поясе, с длинным гибким хлыстом, на конце которого отчётливо видна молния электроразряда. На груди также отчётливо видна эмблема...

Спина – детская. Гноящиеся рубцы от «обычных» ударов плетью.

Шалаш. Около него худая старуха варит что-то в котелке, и спят вповалку на чём-то вроде одеяла сразу несколько человек, взрослых и детей.

Ладонь – натруженная, грубая. В ней – несколько бумажек. Деньги. Смешные даже по здешним меркам. Подачка. Но это не подачка – это плата за каторжный, надрывающий тело и душу, труд. Хуже подачки. Оскорбительней.

Бумажник – пальцы с хорошим мужским маникюром небрежно считают крупные купюры, распирающие дорожную кожу.

Большой цех, линии конвейеров, банки, банки, банки... клубника, виноград... Дети у конвейеров, самым младшим – по 4–5 лет. Все – голые. У каждого рот закрыт маской-кляпом, замкнутым на затылке.

Опрокинутая банка – томатный сок, кажется. Но лужа на полу похожа на кровь.

На экране вращается хорошо знакомая всем эмблема «Энергии» – бегают по своим путям шустрые элементарные частицы, вращается эмблема, крутится колесо едущего автопоезда, вспыхивают над роскошным кварталом ряды лампочек, световые рекламы, узоры из огней...

...В постели – на узкой кровати в маленькой комнате – истощённый человек. Руки и губы в язвах. Он что-то говорит.

Крутится эмблема.

Вагонетка, в ней – хмурые люди, взрослые и дети. Надвигается, растёт, поглощает экран чёрный зев шахты. В темноту проваливаются расширенные глаза ребёнка в вагонетке.

Штрек. Луч фонаря. Испарения из щелей. Рабочие – как гусеницы в прогрызенных ходах. На полу – дымящиеся лужи.

Обогатительный цех. Мальчишка – голый по пояс, чёрный от грязи и лоснящийся от пота, со смехом – искренним, детским – показывает в камеру снятую с лица повязку из марли, потом сплёвывает – слюна перемешана с грязью, чёрный шматок...

Крутится эмблема.

Закрытое простынёй тело на носилках у подъёмника. Видно, что рядом, отдельно, лежит правая нога, простыня вся в пятнах крови.

Хижины, собранные чёрт-те из чего. Дети рядом с ними – рахитичные, грязные, похожие на больных зверьков.

Кладбище. Ряды простых могил. Даты. Между датами – 30, 25, 20 лет. 15, 12, 10, 7... На заднем плане – дорога, по ней идут всё те же поезда с эмблемами.

Улицы Верного. Беспризорники.

Бандиты с юга – джунгли, оружие, настороженная походка злобных трусливых крыс.

Вспоротые мешки с белым порошком, клеймо на ткани, на совсем чужом языке, буквы-черви, внизу появляется перевод, мерзкий в своей циничности:

ЗОЛОТОЙ СОН.

Прозрачное пламя из чёрного скошенного патрубка охватывает мешки и валяющиеся тут же трупы, за стеклом маски огнемётчика – юное лицо с безжалостными серыми глазами и плотно сжатыми губами. Руки – сильные руки воина. Огнемёт выплёвывает струю за струей. Горит дурь...

Крутится значок... крутится...

Бахурев – оскаленный, со сжатым кулаком перед лицом. Перед ним – сидят люди в дорогих костюмах, на лицах – открытый страх, в глазах – затаённая ненависть. Такая же ненависть к этим, сидящим за столом – но не чёрная и тягучая, а горячая, светлая – в глазах двух молодых адыутантов-офицеров, застывших по сторонам от президента...

Темнота.

Тишина.

Экран гаснет, зажигается свет, но не весь – боковые плафоны. На сцене уже нет Олега, стоит государственный контролёр безопасности Виктор Данилович Макарычев. На экране возникает таблица – это уже не кино, это просто слайд. Большой и чёткий. Сделав шаг в сторону, Виктор Данилович поднял руку, показывая на слайд.

Цены на товары и услуги (в рублях РИ)		
	Русская Империя	Республика Семи- речье
средняя заработ- ная плата, мсц.	120	50
Вид товара или услуги		
1 кг ржаного хлеба	6 коп.	24 коп.
1 кг картофеля	5 коп.	36 коп.
1 л молока	10 коп. (пастеризованное в магазине), 16 коп. (цельное на това- рищеских рынках)	52 коп. (пастеризо- ванное в магазине), 30 коп. (разведённое водой на рынках)
1 кг мяса	60 коп. — 1 руб. в магазине (1,5–2 руб. на товарище- ских рынках)	3–4,3 руб. в магазине (5–12 руб. на рын- ках)
1 кг лучшего сли- вочного масла	1,2 руб. (1,7 руб. на това- рищеских рынках)	3 руб. (7 руб. на рынках)
квартплата, мсц	50 коп. — 1 руб. (для госслужащих некоторых категорий — бесплатно, для владельцев личного дома — бесплатно)	5–15 руб.
1 Квт/ч электро- энергии	14 коп. (от товарищеских сетей — бесплатно)	15 коп.

газ и вода	бесплатно	при их наличии (36 % жилищ) — 20–50 коп. мсц.
школьные учебники	бесплатно	75 коп. — 2 руб.
школьное питание	бесплатно (завтрак-обед)	40 коп. — 2 руб. (завтрак-обед)
школьная форма	бесплатно (комплект на год)	4–20 руб. комплект
кружки и секции на детских станциях	бесплатно	50 коп. — 12 руб. мсц.
16 дней индивидуального летнего отдыха для взрослого (без бесплатной путёвки от организации или предприятия)	8 руб., включая четырёхразовое питание и эксплуатацию любого инвентаря	120 руб. только за жильё и питание
приём у любого врача	бесплатно	5–250 руб.
любое образование	бесплатно	10–300 руб. мсц.

– Наглядно? – спокойно спросил Макарычев. И отошёл чуть в сторону, молча сел на угол стола у края сцены. Потом снова зло встал, подошёл, пальцем ударил по графе с ценами на электроэнергию в Семиречье. Снова отошёл, сел на стул. Отвернулся, помолчал. Слайды начали меняться...

Денис чуть прикрыл глаза. Покосился на лицо Насти – напряжённое и внимательное. Видит, на миг показалось ему... нет. Не видит. Почему она не видит?!

На слайдах была Империя. Школы, больницы и пляжи. Шахты, сады, улицы городов. Взрослые и дети. Денис ойкнул про себя – появился разведённый мост – Петроград! Город показывали сверху, в порту всплывал подводный рудовоз, вращались лопасти ветряков. Трасса Юницкого над оживающей северной тундрой. Трое мальчишек, развалившись на краю какой-то канавы, лопали арбуз, явно не замечая, что их снимают – все трое босиком, в шортах, на шеях – пионерские галстуки, все трое – перемазанные соком и пылью... здоровые и счастливые. Танцующая на сцене девочка. Хлебное поле – огромное, золотое, переливающееся, над ним – треугольник дельтаплана. Знамёна на флагштоках возле Дворца Его Величества. Гвардейцы в карауле. Купол-шлем Святой Софии в Новгороде Великом. Колонна плотного, тугого пламени, поднимающая с поверхности Луны корабль. Марсианские красные пески, за прозрачной стеной любопытно тянется к ним молодой дубок, возле которого стоит девочка со скакал-

кой, в простом красивом платье. Полная звёзд Вселенная, из которой вдруг **проступают** глаза мальчика – со звёздными искрами в зрачках... Слайды шли, шли и шли...

– Покупая всё самое лучшее, живя в лучшем жилье, семья из пяти человек, в которой работает только один – и за среднюю зарплату, – может ни в чём не знать нужды, – снова заговорил Макарычев. – Ни в чём. Ни в одежде, ни в питании, ни в крыше над головой, ни в образовании для детей, ни в медицине для всех. Если работают двое – то такая семья может легко делать большие накопления на то, что называют «роскошью», и их сбережения не съест никакая непонятно откуда берущаяся «инфляция». При этом, заметьте, проблема отдыха не встанет вообще, так как если ты работаешь, а твои дети учатся, то тебе в отпуск, а им летом просто-таки **обязаны** предложить – тебе двухнедельный санаторий бесплатно на всём готовом, им – четыре недели детского лагеря с теми же условиями. В перспективе у нас – бесплатные хлеб, внутригородской транспорт, разнообразные комплекты одежды для взрослых и детей... А у вас что в перспективе?! – «Витязь» был зол, и Денис с изумлением понял вдруг, что на него так повлияли выступления пионеров, обычно контролёр сохранял спокойствие в любых ситуациях. – Повышение цен на электроэнергию до 20 копеек – при том, что вы сидите на этой энергии?! В Сербии и сотой доли ваших богатств нет, а электричество бесплатное, даже не как здесь у нас – **бесплатное**, потому что везде каскады построены, на всех речках!

– Да что ж ты как будто ругаешь нас?! – вдруг отчаянно, обиженно, хотя и не обозлённо крикнули из зала. – Мы, что ли, виноваты, что у нас вон и пожар, и потоп, и тридцать три несчастья?!

– А если человека не ругать, он быстро что-то делать перестаёт, – отозвался Макарычев и оперся на стол. Махнул рукой. Улыбнулся. – Я вас не ругаю вообще-то. Я вам... сочувствую. И я вижу, что вы – по крайней мере те, кто тут собрался, – и правда хотите выбраться из ямы, и правда в это верите, и правда делаете немало... Другие-то сюда не пришли. Я даже просить вас хочу... – Он вздохнул. – Рук не опускайте. Власть в Верном – в кои-то веки – за вас. И мы вас не бросим. Вы не дети, понимаете... да дети ещё и лучше взрослых всё понимают, сами видели... вы понимаете, что мы объявили войну дряни. Беспощадную – на уничтожение. Она сопротивляется. Она и дальше хочет сосать вашу кровь, ваш пот, будущее ваших детей – и жиреть. Мы – не дадим! Кто хочет – встанет рядом с нами. Вот и всё, что я хотел сказать. С праздником вас... **товарищи**. С Днём Солнца. Мы все видим его. И всегда будем видеть. Даже если тучи его и скрывают – ненадолго – мы его видим.

Зал зашумел – радостно, облегчённо и почти весело.

Пальцы Насти в руке Дениса вздрогнули.

* * *

Если честно, Дениса просто шатало. Те два часа, которые он просидел в актовом зале, не только не помогли отдохнуть – вытянули ещё больше нервов двойным волнением: от того, что было показано на сцене, – и от того, как он переживал за своих. Больше всего ему хотелось отправиться домой и улечься спать сразу, без ужина. «Праздник» вымотал его до предела, он подзабыл, что предстоит встреча с кандидатами, а вспомнил об этом, уже когда вышел на заднее крыльцо школы и, потянувшись, предвкушал путь домой.

По правде сказать, он разозлился. Появилась даже спасительная коварная мысль: сейчас дожидаться их и приказным тоном сказать, что встреча переносится на завтра, **так надо**. Но уже в следующий миг Денис понял, что эта мысль не спасительная и даже не коварная, она просто подленькая.

– Ты тут? – послышался сзади голос, от которого сладко ёкнуло внутри. Денис обернулся; к нему шла Настя, которую в зале с извинениями было перехватил Гришка. Но сейчас она снова была одна – казачата, наверное, засели в клубе с пионерами. – Я слышу по дыханию.

Денис быстро – но так, чтобы не оскорбить, не задеть – взял её за руку, помог сесть на перила (опять ёкнуло, теперь уже сердце – когда он подхватывал девушку, сам прислонился рядом к стене.

– Наши там, внутри, буянят, – сообщила Настя. – Тебя поздравить можно: юнармейцы у нас давно есть, а теперь, похоже, и пионеры будут.

Денис воспрянул.

– Серьёзно?!

– Наши мальчишки, если что говорят – всегда серьёзно, иначе помалкивают, – с явной гордостью за «наших мальчишек» отчеканила Настя. – Ромка с Гришкой всю дорогу спорили, Ромка сказал: «На месте и посмотрим!» – а раз остались и говорят, значит – решено.

– Ну это просто замечательно! – Денис подался к ней, замер... потом всё-таки чуть подался вперёд и поцеловал девушку. Отстранился, стал смотреть в аллею за оградой из невысоких кованых прутьев.

– Не жалеешь, что приехала? Я к тебе и не подошёл почти ни разу, – спросил он. – И сидел с тобой, молчал...

Настя улыбнулась:

– Не жалею.

За оградой неспешно проехала машина; слева, от главного входа, послышался разговор:

– Ну, это уже не столь существенно. Линия намечена, теперь надо просто выполнять.

– Однако есть некоторые нюансы...

В сторону заднего крыльца шёл Макарычев, сбоку от него – Кенесбаев. Денис скользнул по ним взглядом... и отчётливо увидел, как от остановившейся машины к ограде подходит бесшумный и очень быстрый человек. Лохматый и безликий. Подходит, поднимая правую руку очень знакомым жестом.

В следующий миг Денис сделал сразу несколько вещей. Одновременно.

Он встал между оградой и Настей.

Он выхватил из сумки «Байкал».

Он крикнул:

– Дядь Вить!

Увидев вспышку выстрела, казалось, заполнившую весь мир, он успел подумать: «Мне – в лицо! Убит?! Свет же очень быстро... а пуля...» – потом что-то ударило рядом в перила, чвакнуло, жикнуло, обожгло левую руку выше запястья, выше часов. Сам выстрелил – не глядя, ослеплённый, по памяти – услышал второй выстрел врага, боковым зрением увидел, как Кенесбаев неожиданно ловко присел, тоже выхватывая пистолет, а Макарычев дёрнулся всей правой стороной тела... но...

Виктор Данилович действовал очень быстро, хотя и стрелок бил с редкостной скоростью – недаром первый выстрел он сделал инстинктивно в Дениса, на звук, – источник явной опасности. Как все «витязи», Макарычев умел стрелять обеими руками и использовал произшедшее мгновенно и безошибочно. Сместившись вниз-вперёд-вправо, он неуловимым движением выхватил «Байкал», такой же, как был у Дениса. Выхватил левой и выстрелил – из-под лохматого словно выдернули тропинку, он подскочил, раскинул руки, взбрыкнул ногами и грохнулся навзничь. Его сообщник в машине рванул было с места, но сразу выпустил руль и свалился боком на сиденье – вторым выстрелом Макарычев попал ему в правое плечо.

Народу кругом сразу оказалось очень много, и самого разного, и у многих в руках было оружие. Начался шум, беготня... Гришка и казачата встали стенкой около Насти – все с пистолетами. Олег подскочил к Денису:

– Что с тобой? В руку попал?

– А? – Денис посмотрел: неглубокий порез, наверное, щепкой, отколотой пулей щепкой. Не отвечая, подбежал к Макарычеву, который поднялся на ноги и держался за плечо.

– Дядь Вить, – Денис даже не понял, что снова назвал Макарычева так, – давайте я перевяжу, у вас кровь сильно...

– А ну-ка пусти меня. – Валерия Вадимовна, бесцеремонно оттеснив сына, привычно-ловко взялась за дело. А Денис почувствовал руку на плече – вздрагивающую, плотную, тяжёлую. Обернулся – это был отец.

– Тебя не задело? – спокойно спросил он.

– Нет, – покачал головой Денис. – Так, щепкой царапнуло. – Он лизнул порез, поднял на отца глаза.

– Хорошо, – так же суховато-спокойно произнес Третьяков-старший.

...Водитель был мёртв. Между оскаленных зубов за посиневшими раздвинутыми губами выступила кровь, на сиденье лежал мелкий стеклянный сор от ампулы. Кенесбаев, осматривавший машину в лучах двух фонарей в руках полицейских, буркнул, выпрямляясь:

– Да уж. Это не уйгур. Это ваш брат, европеец. Что ж такое, работа своим ходом прямо на праздник приезжает...

Разговор как-то оттёр Дениса в сторону. Он хотел подойти к Насте, но внезапно увидел у угла здания молчаливую плотную кучку мальчишек и девчонок. И тех, что приходили утром, – и... Да. Их было явно не тридцать четыре, а побольше...

Денис подошёл к ним вплотную. Снова лизнул порез, который всё ещё кровоточил. Убрал в сумку пистолет – оказалось, он продолжает сжимать оружие в руке. И после этого спокойно спросил:

– Ну что? Все желают продолжать разговор о приёме в пионеры?

* * *

Грузопоезда из Верного пришли в Седьмой Горный на следующий день. И получилось так, что первым встретил их как раз Денис. День был воскресный, а точнее – это было раннее воскресное утро, Денис так и не ложился, потому что проводил Настю и казачат (нагруженных кое-какой литературой) за околицу, на дорогу, долго стоял там – и, когда шёл домой к спящему после праздника посёлку, то уже рассвело.

Он устал так, что почти спал на ходу. И даже шум – мерный посвистывающий рокот – на подъездной дороге с перевала не сразу привлёк его внимание. А когда всё-таки привлёк, то Денис – оступев от усталости и разнообразных переживаний – не сразу смог понять, что видит. Тем более что хорошо знакомые с детства грузовые поезда Дорожного Корпуса Империи тут казались призраком. Фантомом.

А потом из туч выкатилось солнце.

И Денис как будто проснулся.

И увидел – на первом контейнере переднего грузопоезда размахисто написанное огромными **весёлыми** буквами цвета пламени –

Дениска, чёрт!

Это мы!

ПРИНИМАЙ!!!

От пионеров Петрограда –

пионерам Семиречья!

– Ураааа!!! – заорал Денис и, размахивая руками, побежал навстречу машинам – медленно ползущим, добродушным каким-то, в сравнении с которыми помеченные значками электропоезда «Энергии» казались мелкими букашками...

...Денис понял, что он идёт рядом с передним электропоездом, держит руку на оранжевом выпуклом борту и улыбается – широко, неосознанно, почти глупо – улыбающемуся в ответ –

с высоты второго этажа, из кабины – водителю в чёрно-золотой форме гражданского Дорожного Корпуса. «Империя пришла, моя Империя», – бессвязно, прыгающе, радостно метались в голове мальчишки мысли, и он смаргивал радостные и гордые слёзы. Под его ладонью в могучем корпусе машины мягко урчало – работал неумолимый вихревой генератор.

– Что тут, дядя?! – как маленький, прокричал Денис, задирая голову. Из кабины ответил рокоучий бас:

– Домб, пионер! Первый спецзаказ! «Сибиряки», не абы что!

«Папа! – мысленно крикнул Денис. – Это папа! **Имея это – постройте город...** Будет город! **Будет!** Теперь – будет!»...

...Дома «Сибиряк», разработанные ещё до ядерной войны, были надёжным типовым жилищем Империи везде, где требовалось быстро, качественно и недорого построить жилище. Базовый «Сибиряк». «Сибиряк-2» – для местностей с тёплым климатом. Простой наборчик панелей и коммуникаций превращал его в «Сибиряк-Сибирь» – для территорий, где температура падает до минус 80, а другой наборчик – в «Сейсмо-Сибиряк» – для районов с высокой сейсмоактивностью. Существовали наборы, модифицирующие базовый дом по желанию хозяина.

Каждый из автопоездов вёз шесть таких домов. Двухэтажные, из практически негорючей и обеспечивающей отличную тепло- и звукоизоляцию дельта-сосны и натуральных изоляторов, крытые листами естественно-пластмассовой черепицы, с шестиоконным эркером по фасаду на оба этажа, они имели пять основных комнат (три на первом, две на втором этаже), два холла (по одному на этаже) и три «комнатушки» под кладовые, туалеты, ванные и всякое такое. Дом можно было поставить на «обычном» фундаменте с котлованом, на опорных столбах с несущими тросами, даже просто на земле – с угловыми креплениями; был бы достаточно ровный участок почвы или возможность его выровнять.

Поездов было тридцать и, когда первый проезжал окраиной посёлка, последний ещё только появился на перевале. Третий, четвёртый и пятый по счёту поезда, впрочем, везли не «Сибиряки», а двухэтажные длинные жилые кунги, и с верхних площадок спокойно и внимательно озирали местность молодые мужики-строители – видимо, только что проснувшиеся.

Денис не мог понять, почему ещё не проснулся весь посёлок?! Ему казалось, что даже горы Голодного пустились в пляс от гула машин. Какое-то время он, уже откровенно рискуя попасть под колёса, то шёл, то бежал рядом с передним поездом, потом опомнился и опрометью бросился домой, долетев до родного крыльца как на крыльях. На крыльце, кстати, стоял отец, задумчиво разглядывавший парадный галстук.

– Паааа!!! – заорал Денис. Борис Игоревич выставил руку, пряча улыбку:

– Знаю. Сейчас едем встречать.

Но сын уже не дослушал. Промчавшись мимо, он с грохотом взлетел на второй этаж и вломился в свою комнату.

Вид спящего Олега его возмутил. Недолго думая, Денис вытряхнул друга на пол рывком за простыню, а когда тот сел на полу, ошалело и сердито глядя на разве что пританцовывающего перед ним Дениса, то услышал:

– Давай скорей! Звони всем, кому можно, я побегу, у кого телефонов нет – дома привезли!!! Поможем монтировать!

– Какие дома? Кто привёз? – забормотал Олег, проспавший всего четыре часа. – Ты что, мне через три часа на работу...

– Да не через три, а сейчас! – Денис, выведенный из себя медлительностью друга, поднял его рывком за руки. – Да проснись же ты, олух, ёлки зелёные! Наши «Сибиряки» привезли, дома привезли, вместо сгоревших будем ставить!!!

– А... да?! – Олег схватил Дениса за плечи. – Правда?!

– Вру! – смеялся в ответ Денис, ощущая, что чуточку сходит с ума и это невыразимо приятно. – Правда, конечно! Вон, в окно посмотри, их отсюда видно!

Олег подскочил к окну и застыл у него. Сперва его лицо было просто восторженным, а потом стало каким-то... странным. Непонятым. Словно бы... засветилось, что ли? Денис даже немного испугался и, тронув Олега за плечо, спросил:

– Эй, ты чего?

– Ничего. – Олег повернулся к нему. – Ничего. Так чего мы стоим?! – Он тряхнул головой. – Бежим скорее!!!

...Почти сто семьдесят домов в Империи могли обеспечить жильё такому же количеству семей. По здешним меркам такой дом был несусветной роскошью. Это были 125-е «Сибиряки», даже больше площадью, чем думал Денис; в каждом можно было установить полуавтономную систему жизнеобеспечения, входившую в комплект. Конечно, в посёлке без жилья осталось почти вдвое больше семей, но кроме специалистов по монтажу (к слову, на монтаж одного такого дома требовалось около 30 часов работы бригады из семи человек, в числе которых мог быть всего один специалист) небольшого крана в Седьмой Горный приехали с полной документацией по технологии несколько гражданских офицеров, которым было поручено изучить местные условия и развернуть производство домов на базе Седьмого Горного и из местных материалов.

– Мы всей семьёй выскочили кто в чём был. – Пашка рядом с Денисом развёл руками, в глазах его было потрясение. – Ну... Я думал – горы пошли.

В глазах и голосе Бойцова, обычно спокойного и выдержанного, было восхищение с недоверием пополам. С перевала они примчались всей семьёй – посмотреть на прибывшее чудо.

Да, собственно, ими дело не ограничилось. Казалось, на главной площади посёлка собрались все. Словно вчерашний праздник ещё только должен был начаться. Последний раз Денис видел такое, когда смещали старого градоначальника. Даже Шульце был здесь. Вокруг него сплотились Пинаев, Семская и Пахомов; впрочем, насколько Денис мог различить со своего места, они выглядели просто-напросто растерянными. Амирова не было – его не было и вчера, по агентурным сведениям, директор «элитной» школы жестоко пил уже неделю, потому что из Верного ему сообщили о грядущем приезде департаментской комиссии. Бахурев произвёл в Департаменте Образования некоторые перестановки, в результате чего его прежний глава и ещё несколько крупных чиновников «пошли на повышение» – были повешены, – а их места заняли люди совершенно иного склада, и теперь комиссии ездили по республике, оставляя позади руины той пародии, которая раньше называлась в Семиречье «народным образованием». Над руинами постепенно начинало подниматься что-то, похожее на настоящее образование, но прошлым руководителям низового звена это служило малым утешением, их снимали с мест десятками и многих сажали, благо – было за что: у кого в школе работала порностудия (Дениса корёжило при этих словах, потому что он вспоминал комнату в Верном и мальчика с девочкой, прижавшихся друг к другу на фоне плотной шторы), кто украл всё, кроме самого здания, иные ухитрились заложить и здание... Жадность этих людей была настолько неистовой и нелепой, что Денис временами сомневался: может быть, ими стоило заниматься не отцовскому ведомству, а маме?

Зато Балаганов не только прислал двух из четверых имевшихся корреспондентов, но пришёл и сам, с кинокамерой. Лицо у «главвреда», как его окрестил Денис, не сумевший преодолеть неприязнь к редактору, было углублённо-вдохновенным – он явно составлял передовицу о «руке дружбы» или чём-то таком. Из группы сторонников Шульце на него кидали многообещающие взгляды, и Денис с надеждой подумал: может, даванут его в каком переулке свои же бывшие приятели – и нам хлопот меньше, и всем хорошо...

Пионеры выстроились отрядной коробкой, причём Денис, недолго думая, поставил позади основного строя и ещё официально никак не оформленное пополнение – двадцать семь

мальчишек, восемнадцать девчонок, в возрасте от 9 до 15 лет. «Видимо, придётся укрупнять звенья и создавать ещё пару новых», – подумал он, но насладиться этой мыслью не успел, потому что на импровизированную трибуну – в кузов подогнанного «заготмясовского» грузовика – поднялся Харатенко – тот мужик, что приходил к Третьякову-старшему и разговаривал с Шульце (кстати, его сын и дочь вчера были на неожиданном пионерском сборе, а сейчас стояли в строю). Он выглядел очень смущённым и какое-то время просто-напросто молчал. Потом вдруг резко развёл руками – и необычно сильным голосом, который только немного подрагивал, заговорил. Его было слышно повсюду.

– Я думал, что такого и не бывает. Ну, не бывает такого, и всё тут. И все думали, что не бывает. Вот признайтесь: думали, что будем опять хибарки из фанерки лепить, да щели гов... гм... замазывать, что нету нам счастья. Думали?! – Площадь ответила утвердительным ворчанием, как большой изумлённый зверь. – И я думал, говорю ж. Вчера сидел, слушал вон Виктора Даниловича. – Он указал на Макарычева, который – с закрепленной на перевязи рукой – стоял рядом с Полянцевыми и Третьяковыми-старшими. – Кивал, а про себя думал: эх, мил человек, видно, кто в грязи родился, из неё уж не выползет... А сегодня проснулся, нос высунул из временки, вижу... – Харатенко опять замолчал. – В общем, так я думаю. Кто тут с пятой, с восьмой и с одиннадцатой шахт? – Тут и там раздались голоса, поднялись руки. – Крутится наша задумка?

– Крутится, ещё как! – откликнулся кто-то. – Работаем без надрыва, малолеток в шахте нет, а выработку уже прежнюю даём! Теперь ещё подтопленные шахты откачают – и...

– Думали мы то, что заработаем сверху, конечно, на семьи и на жильё новое пустить, – продолжал Харатенко, взмахом руки установив тишину. – Даже господин Шульце был не против. А теперь, слушайте меня... – Он откашлялся. – Я в Империи не был. Как там и что – не знаю. Но своим глазам верю, не слепой ещё пока. Дома у нас сгорели. Все видели. Из Империи нам новые прислали – вон они, разгрузки дожидаются, тоже все видят? Я к чему... – Он переступил с ноги на ногу, помялся. – Я не только за эти три шахты, я ко всем... Давайте так. Всю продукцию обогатительного за октябрь – в Империю. Не в «Энергию» и не в поселковый фонд даже. А имперцам. Я всё ж таки читал кое-что – у них с редкоземельными не очень жирно. Да и домам этим они бы, я думаю, и у себя место нашли... Так что это будет по справедливости. Ну и напишем там что-нибудь такое... писать я не мастер, вон, пионеры наши напишут. А если Арнольд Оттович уж очень сильно против такого – то мы на этот месяц по старинке забастовку объявим. Не помрём с голоду... особенно теперь.

Шульце надо было видеть. Нет, хладнокровие и сейчас не изменило ему. Но его глаза – безразличные глаза снулой рыбы – вдруг на миг отчётливо стали глазами попавшего в ловушку зверя. На миг. Всего на один миг. Но это увидели все.

– Я не против, – коротко ответил он.

Харатенко кивнул:

– Ну вот и отлично, значит.

– А почему бы вам не съездить в Империю? – вдруг спросил Макарычев. И в ответ на изумлённый молчаливый взгляд Харатенко продолжал: – Я не шучу. Побываете на наших шахтах. Возможно – в Поясе Астероидов. Посмотрите. Поучитесь. Поучите наших, наверняка найдётся чему. Через год вернётесь, думаю, что к тому времени как раз будет нужен **государственный** управляющий на здешние разработки. По-моему, вы на эту должность вполне годитесь, товарищ Харатенко.

– Я... – начал растерянно Харатенко, но его заглушили выкрики из толпы:

– Опа!

– Да не мнись, не жмись, обеими руками держись!

– От астероида кусок нам привезёшь!

– Свой человек начальником будет, из шахты! – слившиеся в конце концов в один добродушный одобрительный гул. И в этом гуле прорезался весёлый крик:

– Ну давайте уж за дело браться!..

...Как Денису показалось (он раньше никогда не видел, как ставятся «Сибиряки»), самым трудным было расчищать площадки под дома. У Аркадия Тимофеевича, оказывается, уже был подготовлен план застройки, очень тщательно и детально составленный, Денис даже заподозрил, что «рабочие кварталы» всё равно собирались сносить, и пожар как бы пришелся кстати... «Сибиряк», как говорилось, чуть раньше можно было ставить и без фундамента, но всё-таки котлованы рыли, тут же загоняли в них по четыре стандартные гранитные плиты в качестве стенок подвала и фундамента (с заранее вырезанными отверстиями под кабели, траншеи которых тоже стремительно тянулись от энергостанции – и отопление, и освещение в этих «Сибиряках» должны были осуществляться электричеством), а уже потом начинали ставить опорный каркас дома.

Если бы Денис посмотрел со стороны и достаточно издалека на происходящее в Седьмом Горном, он бы поразился – на глазах росли даже не дома, а кварталы. Позже, когда он увидел этот процесс на фотографиях и плёнке, именно эта мысль и пришла ему в голову: **росли на глазах**. Но в те моменты ему было не до общих планов и определений, он занимался тем же, чем все остальные.

Он работал. По мере сил успевая объяснять всем, кто был рядом и интересовался, что тут и для чего предназначено, и с удовольствием видя в глазах тех, кто задавал вопросы, недоверчивое восхищение. А кругом – тут и там – мелькали имперцы-строители, инженеры, и Денис вдруг понял, как он рад этим незнакомым людям, взрослым, уверенным, весёлым, которые наконец-то явились наглядным доказательством Силы Империи. И понял, как ему было тяжело верить фактически одному и нести эту веру другим.

Вышло из-за туч и твёрдо осталось в небе солнце. По новым улицам тянуло дымком подъехавших из Лихобабьей полевых кухонь. В Думе как раз в это самое время решался вопрос распределения домов, и Валерия Вадимовна выступила с требованием: «опустившиеся» семьи, если они потеряли жильё и хотят его иметь, пойдут работать на планирующийся комбинат по строительству – пусть строят себе дома сами, а уж научить их этому – научат.

– Если же кто и дальше намерен жить в дерьме, – чеканила Третьякова, – ныть, пить и радоваться тому, что им с новой властью общественная помощь закапала – я их из этого дерьма тянуть не буду. И помощи лишать не стану – не моя компетенция. Но я лично, как врач, с полицией пройду по таким семьям и заберу у них детей. Этого алкоголика Амирова вышвырну из его «школы» и устрою там интернат. Детям без родителей плохо. Очень. Всегда. Без любых. Но если родители до такой степени скоты, что этой огромной и чистой любви, этого святого детского терпения и великой привязанности не ценят – то они всего этого и недостойны. Пусть живут в грязи. А детям их я в грязи сгнать не дам! Ну а если кто после такого пинка опомнится – я таким детей обратно на своих руках принесу... Вы в новом номере про это так и напишите, Александр Остапович. Дословно.

Балаганов, быстро черкавший в блокноте, уважительно кивал...

– Мебель для новых домов, всякое-разное – будем заказывать пионерским цехам и частникам, – говорил Лобанов. – Под новый выпуск поселковых бон или в обмен на взаимозачётные услуги. Получится как раз то, что надо... И ещё. Мы тут решили, Аркадий Тимофеевич, что пора нам и поселковую больницу строить, сколько можно Валерии Вадимовне на дому принимать? Оборудование выпишем из Верного, а больницу соберём из четырёх домов, мне имперцы-инженеры сказали, что это можно сделать... Если что – так у меня дом хоть и старый, но целый, а я там видел, меня на кой-то чёрт в список внесли – вот и считайте, что один дом под больницу уже есть...

– За оборудование чем платить будем? – спросил кто-то, но не так недоверчиво, как ещё недавно задали бы подобный вопрос, а скорее деловито, и Борис Игоревич ответил:

– Есть чем. С латифундий я только три дня назад получил немаленький штраф, то, что они уворовали, так сказать, за последний год. Думаю, что власти в Верном не будут против ещё одного взаимозачёта...

...Уже в сумерках – работа не утихала – Денис присел на тюк с уплотнителем, всего на полминуты, записать кое-что. Но вместо этого, даже не достав блокнота, откинулся к стене – против воли, незаметно, – и глаза закрылись сами собой.

Сквозь сон Денис слышал голоса, но откликнуться или даже пошевелиться не было ни сил, ни желания.

– Спит.

– Тише, он двое суток на ногах.

– Домой его надо.

– Ну-ка дайте...

Денис ощутил, как поплыл куда-то вверх и дальше – так и не просыпаясь, скорее наоборот – засыпая окончательно. Последнее, что он услышал, было:

– А ведь дитё дитём, когда спит-то... спи, отдохни малость, моторчик наш неутомонный...

...Когда Харатенко, осторожно постучав в дверь ногой, предстал перед Ольгой Ивановой с Денисом на руках, Ветлугина обомлела и охнула:

– Да что с ним?! Избили?! – Потом увидела на руке Дениса засохшие потёки крови (он во время работы несколько раз заново ссаживал глубокую царапину от той щепки, отколотой пулей) и испугалась ещё больше: – Стреляли?!

– Да ты что?! – в свою очередь, изумился, но не испуганно, Харатенко. – Кому там бить и стрелять?! Да вся плесень сейчас попряталась по темным подвалам и дышит через раз, Оль... Умотался он. Сел на стройке в угол, да и уснул махом. Показывай, куда его нести-то. И, если можно, плесни мне чаю, я поест так и не успел. А остальных не жди, кто где работает, тот там и заночует.

– Я им после разнесу, я ведь ужин приготовила, – заторопилась Ольга Ивановна. – Давай сюда, наверху его комната...

Денис и не подумал проснуться, даже когда его раздевали. А Ольга Ивановна, только что забравшая в стирку всю его одежду (кроме галстука, который с почтительной робостью осторожно развесила на спинке стула), со вздохами медлила и рассматривала весьма грязного мальчишку... но, в конце концов, решительно прикрыла его простынёй и вышла тихо, погасив свет.

Денис спал. Ему снился огромный сад – или, может быть, светлый лес, – в котором он гулял с Настей и показывал ей всё-всё-всё вокруг.

Он на самом деле мог ей всё это **показывать**, потому что во сне Настя **видела**.

Глава 3

Полёт журавлика

С самого утра заморосил дождь, серый и тёплый, и у Дениса из-за этого было отвратительное настроение. На первые выходные ноября, к Дню Памяти Предков⁵ – через неделю – намечался двухдневный полевой выход в лес для новичков с их принятием в пионеры – все вопросы наконец-то утрясли, но именно у Дениса толком ничего готово не было. Весь октябрь он крутился как белка в колесе. Только вчера уехал корреспондент «Пионера», оказавшийся девушкой – энергичной, весёлой и очень любопытной. Она не только набрала материала на статью о том событии с уйгурской ордой – она просидела в Седьмом Горном пять дней вместо двух, обозначенных в командировочном листе. По её собственному признанию, за это ей на работе «намылят шею, но дело того стоит». Ей понравилось всё, но больше всего поразили библиотека и Генкин музей. Генка от гордости ходил с блестящими глазами, розовый и старательно делающий вид, что это всё не его заслуга. Побывала настойчивая девица и у Мишки на хуторе «Дружба», который как-то сам собой превратился в опытную сельхозплощадку отряда, и на перевале у Бойцовых, причём Денис чуть ли не на коленях умолил Кенесбаева дать ей для этих поездок в конвой двух полицейских, а когда Кенесары Ержанович, по уши сидевший в так и не раскрытых делах о поджоге посёлка, провокации с уйгурами и покушении на Макарычева, полицейских-таки выделил, то выяснилось, что девица скачет верхом намного лучше их, носит в поясной сумке «ТТ» и с десяти метров попадает в два одновременно подброшенных ореха. Девчонки в отряде были от корреспондентки без ума и долго расспрашивали у Дениса, кто она такая и что он у неё читал. В конце концов, расспросы эти его вывели из себя... Как будто в Империи все всех знают, если честно, фамилия девушки Денису была совершенно незнакома.

Между прочим, поселковые власти наградили отряд – коллективно – новым киноаппаратом, выписанным из Верного. Именно за то «дело с уйгурами», как полузавистливо-полууважительно выразились казачата из Лихобабей. Тут же добавив, впрочем, что уж у них-то ни один уйгур вообще не ушёл бы. А как же. Ого! От макушки – и до жопы. И только так...

...Как раз, когда Денис провожал «пионершу» на перевал, позвонила Настя, а его не было дома, и она ничего не передала. Потом, вернувшись, он съездил в Лихобабью, чтобы побыть у Мелеховых хоть часок (надо же знать, как там у казачат дела с пионеротрядом?), но выяснилось, что Мелеховы всей семьёй уехали в Балхаш к какой-то родне, и Настя, конечно, как раз и звонила, чтобы об этом предупредить. И, похоже, обиделась на его отсутствие... На обратном пути Серый захромал, у него разболталась подкова, и Денис это должен был заметить раньше... Короче – «всё плохо», как говорил иногда Войко, по которому Денис вдруг заскучал так, что впору было завывать. Ну а уж дождь со следующего утра и вовсе был не иначе, как точно рассчитанной провокацией Злых Сил...

Хорошо ещё, что это был воскресный день, и Денис, намеревавшийся ещё вчера провести хотя бы половину этого дня с Настей, с утра взбунтовался против всего на свете и даже самого себя. Олег предложил ему сходить в «элитную» школу, чтобы посмотреть на месте, что и как, – кстати, предложение было разумным, статус этой школы за последний месяц тоже сильно изменился. Сама по себе-то она сохранялась, но становилась филиалом народной школы посёлка. Поскольку помещений там было явно не по числу контингента, Валерия Вадимовна сцепилась с собственным сыном в яростной схватке – ей были нужны площади под обещанный интернат и фельдшерскую школу, Денису – под пионерский кинозал и спешное расширение столяр-

⁵ 8 ноября – один из двух праздников, посвящённых памяти предков. В этот день под лозунгом «Так мы будем чтить наших павших!» вспоминают тех, кто отдал жизнь за Родину.

ного цеха. В жестокой битве была «одержана ничья», как облегчённо выразился благоразумно державший нейтралитет Третьяков-старший, и мать с сыном поделили первый этаж, разве что колючую проволоку по границе не натянули, а друг с другом не разговаривали целый день, пока Денис не приплёлся вечером в кабинет Валерии Вадимовны и не сунул молча голову ей под руку, получив сперва щелбан, потом вздох, поцелуй и шёпот: «Лисёнок ты кусачий». Потом мама коварно фыркнула сыну в ухо, и Денис с возмущённым воплем отскочил...

Грустный и синий Амиров, успокоенный парой уколов, уехал в недавно открытый в Верном новенький ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. За ним прибыла персональная белая машина с красным крестом, женщиной-врачом и двумя дюжими ласковыми мужичками, сноровистыми и выученными, будто императорские пластуны, не меньше, потому что Николай Игоревич ещё до их приезда сел в крепкую оборону, размахивал с балкона топором и громкогласно обещал, что уж если он вчерашним чертям не дался, то никакие комиссии его живым подавно не возьмут. Предательский удар в спину доблестному – и уже ясно, что бывшему, просто по факту белой горячки – директору нанесла собственная насмерть перепуганная жена, которая коварно и подло открыла санитарам дверь чёрного хода. Сама она с обеими дочерьми поехала следом за «кормильцем» – в Верный. В Седьмом Горном ей, всю жизнь широко жившей на стыренное мужем из бюджета, ловить было нечего. А вот оставшийся контингент учителей и – главное – учеников был настроен к подчинению «школе голодранцев» резко негативно, из-за чего Денис предвидел немало неприятностей в будущем. Причем уже в близком. Он пока ещё не провёл в новоявленном филиале ни единого урока истории или астрономии, но ожидал их, как схватки, и был уверен, что не ошибается.

Но ему до такой степени захотелось побыть одному, что прямо во время завтрака он заявил, что Олег сходит туда один, тем более что Танька Васюнина и Санька Бряндин тоже собирались, так что даже и не один – а он, Денис, пойдёт и поищет место для полевого выхода, который, кстати, уже на носу. Олег немного ошалело возразил, что вроде как дождь идёт, да и вообще – но Денис только буркнул, что он уже решил и поступит именно так. Получилось некрасиво и грубо, он и сам это понял чуть позже, уже когда шагал по тропинке через лес – к озёрам. И, конечно, быстро промок насквозь.

Тропинка, впрочем, за последний месяц разрослась и превратилась в дорогу, выложенную пригнанными бетонными плитами, на которых сейчас мелко пузырились тёплые лужицы. Дело в том, что закончившие работу в посёлке строители – не все, но многие – далеко не ушли. У них было ещё одно дело. Колонна более лёгкой техники перебралась к цепочке озёр, и там началось какое-то строительство, о котором толком никто ничего не знал, пока официально не объявили, что строится экспериментальный геотермальный комплекс. Плюс к этому начинает свою работу постоянная экспедиция Министерства Недр. Собственно, Денис как раз и подумал – а что, если встать лагерем в лесу неподалёку от озёр и заодно провести экскурсию, чтобы новенькие увидели, как люди работают? Для начала будет неплохо, а летом, в каникулы, можно будет уйти всем отрядом в большой поход, недели на две-три, на хребет. А потом – съездить в Петроград к своим. Хотя бы на месяц...

От этих мыслей настроение немного улучшилось, и дождь перестал. Как-то сразу. Удивительно даже – оглянувшись через плечо, Денис увидел в метре от себя за спиной на луже рябь от надоедливой мороси, а впереди на точно такой же луже уже ничего не было. Он ещё немного постоял на этой дождевой грани, расставив руки (на одну сыпало, а вторая постепенно высыхала, это было смешно и интересно), а потом увидел трусящего со стороны посёлка Презика.

– А ты куда?! – возмутился Денис, когда пёс догнал его и остановился рядом. Толкнул его в загривок. – Тебя звали?

Но гнать Презика не стал. Окончательно превратившийся в мощного молодого пса Презик последнее время по вечерам часто совершал длительные прогулки, спать и есть стал намного меньше, и против его компании Денис в целом ничего не имел: пусть пробежится.

Тем более что дорога в хмурую погоду была мрачноватой даже сейчас, когда её расчистили и благоустроили. Правда, со стороны прудов уже был слышен доносящийся лёгкий шум, так что одиноким себя Денис не чувствовал, но с Презиком – лучше.

Презик вдруг гавкнул. Гавкнул дружелюбно, не зло – и Денис не успел ничего подумать, как с дерева, сбоку от дороги, упруго спрыгнул и встал в рост Володька.

– Привет, – как ни в чём не бывало объявил он, потерев шерсть на спине тут же подбравшегося к нему Презика. Маленький певец-бродяжка был в какой-то большущей куртке (а как же, зима наступает!), доходившей ему рукавами и полами до колен, в подвёрнутых грязных штанах и, конечно, босиком – но в то же время в своем обычном весёлом настроении.

– Привет, – радостно и в то же время немного смущённо ответил Денис. Володьку он за весь этот месяц видел урывками – то тут, то там... Помнится, ещё удивился, что его, вездесущего, не было в самом начале восстановления сгоревших кварталов... а на следующий день он уже появился, помелькал – и снова исчез ненадолго. Опять появился – и потом опять исчез... Выглядел он вполне довольным собой и жизнью, и Денис, у которого хватало неотложных проблем, добавлявшихся снова и снова взамен решённых, хотя и рад был видеть Володьку, но по-настоящему о нём не беспокоился. Да и почти не думал, пока не видел. Почему-то просто не получалось, словно никакой другой жизни Володьке и не было прописано в принципе. – А ты... чего тут?

– Да, гуляю, – беспечно пожал Володька плечами. – А ты куда?

– На озёра, – махнул Денис рукой. И предложил – так вырвалось, сам не зная почему: – Пошли со мной?

– Пошли, – охотно и радостно кивнул Володька, даже не уточнив, зачем туда несёт Дениса. – А твой Презик с нами?

– С нами, с нами... Ты там был?

– На прудах? – Володька помотал головой, на ходу запуская пальцы в шерсть довольного этим пса. – В смысле это последний месяц не был. Там строят чего-то. Я всё хотел сходить, да был занят. Я бы и сегодня не собрался.

– Чем занят-то? – Денис покосился на шагающего рядом мальчишку. Володька пожал плечами:

– Так, всякое-разное. Жизнью. Личной. – И тряхнул головой, сбрасывая с глаз мокрые от дождя пряди волос. Посмотрел на Дениса и нерешительно произнес: – Слушай... а помнишь, ты мне говорил про Детский Императорский Хор? Какой он, расскажи, а?

Денис озадаченно споткнулся. Если честно, его никогда не занимала мысль о том, «какой» этот хор. Хор и хор. Сам хороший певец, Денис немного завидовал мальчишкам, которые там пели. Ну – когда был один раз в Великом Новгороде, то ходил около их школы; ничего особенного, школа как школа – и ещё смог попасть на небольшой концерт «Песни ветра», отличный был концерт... Некоторые из тех мальчишек – но мало кто – профессионально пели и потом, повзрослев. В общем, всё обычно и известно всей Империи, хор был такой же неотделимой её частью и предметом гордости, как космолет или медицина. Некоторые девчонки (почестному – не так уж мало) влюблялись в ребят из хора и даже коллекционировали их фотографии. Конечно, вся Империя «болела» за хор на разных конкурсах, особенно когда соперником выступал не менее знаменитый англосаксонский детский хор «Hlutor Neofones Gim». Ну и что?

Но внезапно Денис понял, что это для него «ну и что?» А для Володьки это – словно красивая сказка про иной мир.

Он вздохнул и начал рассказывать про хор всё, что мог вспомнить. Выяснилось, что помнит он много, а Володька был невероятно благодарным слушателем – даже вперёд иногда забегал, чтобы буквально заглянуть Денису в рот, глаза горели, он то и дело явно порывался что-то спросить, но при этом боялся перебивать Дениса... Презик трусил рядом и тоже слушал явно

одобрительно. Но потом вдруг гавкнул – и мальчишки поняли, что пришли. И, остановившись, запрокинули головы.

Озёра было не узнать. И дело заключалось не в том, что на его берегу вырос небольшой посёлок – к которому и вела дорога. Но дальше-то, дальше!

У берега, возле причала, среди нескольких лодок и катеров, чуть покачивался жёлто-чёрный батискаф – крышка люка откинута, несколько человек что-то оттуда выгружали. Дальше – серо-алой стрелой – рассекал озеро мол, рядом с которым в бездонную – по легенде – глубину уходили две первые колонны станции: похожие на серые исполинские трубы, на нескольких уровнях соединённые казавшимися отсюда паутиными тросиками. На самом деле – Денис знал – толщина этих «паутинок» была около метра и каждая – свита из сотен сверхпрочных стальных канатов. По этим паутинкам быстро передвигались...

– Ёлочкиииии! – вырвалось у Володьки даже с каким-то присвистом. – Там люди!

Денис, которому не в новинку были подобные стройки, тем не менее полностью разделял удивлённый восторг семиреченского мальчишки. Как было и всякий раз при виде такой картины, он испытывал чувство гордости и радости... и ещё – какой-то ему самому не до конца понятной **причастности** к чему-то огромному и сильному.

– Пойдём туда, а?! – Володька запереступал на месте, снова, как во время рассказа про хор, заглядывая в глаза Денису. – Ну пойдём, а?

– Пошли, – кивнул Третьяков-младший, сам испытывавший желание посмотреть на стройку вблизи.

Мальчишки, между которыми бежал пёс, заторопились по дороге на берег. Но почти сразу были вынуждены остановиться – около небольшого капонира из блоков и мешков с песком их остановил Чёрный Гусар – в боевой форме, на которой только нашивки выдавали его принадлежность к гвардии президента, с автоматом на груди, он, широко расставив ноги, поднял и вытянул длинную руку в перчатке без пальцев:

– Halt.⁶

Денис ощутил, как напряглись Володька – испуганно и Презик – зло. Гусар осмотрел всех троих холодными бледными глазами человека, стоящего настолько даже не **выше**, нет, а – **перпендикулярно** окружающему миру, что становилось жутковато, и продолжил:

– Papieren⁷. Документ.

В капонире было видно в бойнице дуло пулемёта...

Денис достал пионерское удостоверение, протянул, внутренне ощущая робость и неловкость – а что, если завернёт сейчас? Но немец совершенно неожиданно, изучив книжечку, вернул её Денису и, козырнув, спросил:

– Экскурсия?

– Да, – кивнул Денис. Гусар показал на Володьку подбородком:

– С тобой? – Денис кивнул; немец ему всё равно не нравился. – Не идти за красные линии. Собака тоже. Проходите. – И повернулся, как на невидимом шарнире, давая дорогу.

Володька несколько раз оглядывался на капонир, потом, когда расстояние уже стало достаточным, пробурчал:

– Немец-перец-колбаса... бэбэбэ... – и показал язык. Но, видимо, тут же забыл про неприятную проверку, потому что обида помешала бы вертеть головой.

Людей на берегу было не очень-то и много, разве что возле большой палатки с надписью «КУХНЯ» шла работа да на том же причале. Видимо, работы в воскресный день были в разгаре. На самом озере виднелись несколько больших платформ – плавающих – на которых тоже что-то делали; к одной уходила над самой водой гирлянда из полупрозрачных кату-

⁶ Стой (нем.).

⁷ Документы (нем.).

шек, нанизанных на толстый металлический трос. Катушки двигались – короткими рывками. Мальчишки с собакой невольно, притянутые этим движением и его непонятностью и важностью, подошли к берегу, почти к самой воде, где была выложена гранитная отмостка с пешеходной тропинкой, ограждённой лёгкими перилами поверху. Здесь ближайшая колонна казалась и вовсе чудовищной, как великанская мишень для городков.

– А это что?! – жадно спросил Володька, садясь на корточки и обнимая Презика. Денис смутился – он не знал, – но признаться в своём невежестве не успел. Из-за спин мальчишек весёлый мужской голос пояснил:

– Изоляционные катушки. Как на обычных проводах, только сам видишь, чуть побольше. Мальчишки быстро оглянулись, и Презик тоже повернулся. Володька встал.

Подошедшему мужчине было лет 30—40 – и то, что возраст точно не определялся, а также подтянутая, спортивная фигура – позволяло сказать наверняка, что это имперец. На его куртке были видны знаки различия подполковника гражданских инженеров и сварщика высшей квалификации, а ещё – значок, заставивший Дениса восхищённо перестать дышать: «За отличную службу в Поясе Астероидов». Прочно расставив ноги в высоких жёстких ботинках и положив руки на широкий рабочий пояс, имперец наблюдал чуть прищуренными светлыми глазами за тем, как работает на ближайшей ферме – пока что соединённой с берегом только двумя несущими балками – группа сварщиков-подростков, явно практикантов из училища.

– Что, интересно смотреть? – подмигнул мужчина Володьке, который, приоткрыв рот, подобрался совсем близко. Мальчишка попятился, но тут же неистово закивал. – Это, брат, **работа**. Руками потрогать можно! – Он с удовольствием произнёс последние слова, так **вкусно**, что у Дениса зачесались ладони, как всегда бывало, если он видел такие вещи. – А вы откуда, кадеты?

– Мы не кадеты, – Денис отсалютовал. Володька, вдруг смутившись – чего с ним не бывало почти никогда, – потихоньку боком спрятался за Дениса. А подполковник, ответив на салют, протянул:

– Пионеееееры?! Это здорово! А насчёт кадетов – не удивляйтесь, присловье такое... от одного хорошего человека. – Он погрустнел на миг, но тут же встряхнул русыми – с лёгкой полузаметной проседью – волосами – и протянул мальчишкам руку: – Бородин. Можно – дядя Юра. Можно – товарищ подполковник. Откуда вы?

– Да мы тут смотрели... – неопределённо ответил Денис. Бородин усмехнулся – но не свысока:

– Ясно... Ну что, и тут посмотрите? Э, э, э, вот так не надо. – И он с размаху нахлобучил на голову совсем уже влезшего на балку Володьки дымчатые очки на эластичном креплении. – А то зайчика поймашь. Теперь смотри, сколько душа пожелает, только дальше не лезь.

– Подумаешь, – оскорбился Володька, с удовольствием поправляя очки. – Я по таким балкам могу вообще бегать. Сколько угодно. И высоты я не боюсь. Ничуть! И всё.

– Я верю, – серьёзно кивнул Бородин. – Только не в этом дело. Не положено. И всё. Приказ.

– Приказ? – Володька посмотрел вверх, потом оглянулся на Дениса, даже на Презика посмотрел. И отступил чуть-чуть, подчиняясь магии этого слова, которой подчинялись даже эти сильные люди из Империи. Володька очень понимал это. Ведь сильные могут делать всё, что хотят! Но Денис не делал, хотя даже он, мальчишка, был сильный. А взрослые почему?!

Так ничего и не решив, он снова с жадным интересом уставился на деловитое кипение работы. Бородин кивнул Денису:

– Из Седьмого Горного?

– Да, – ответил тот. И добавил: – Мой отец – штабс-капитан ОБХСС Третьяков. У нас скоро приём новичков в пионеры, мы хотели сюда заглянуть – ну, познакомиться с вашей работой... С кем мне нужно поговорить об этом?

– Считай, что уже поговорил. Со мной, – усмехнулся подполковник. – Как-то так получилось, что всем этим заведу я... И я ничего против не имею, только часов за десять до визита сообщу...

– Юрий Михайлович! – окликнул его жалобно коренастый паренёк, возившийся со сварочным аппаратом – из-под матового шлема-маски выбивались рыжие пряди, похожие на медную проволоку. – Не получается!

– Что у тебя не получается, несчастье человечества?! – вздохнул Бородин и легко перебежал по балке к своему подопечному, на ходу зацепив карабин пояса безопасности за страховочный трос. Володька с восхищением смотрел ему вслед и только вздыхал, когда в ловких руках подполковника – раз, два, три – сверкнули стальные вспышки, и он, отдав аппарат смущённому рыжему, перебежал обратно.

– Вот... спасибо... – Володька с последним вздохом протянул Бородину очки. Подполковник секунду помедлил, потом усмехнулся и, положив ладонь на голову мальчика, качнул её и ворчливо произнёс:

– Бери, дарю. У меня младший такие же выпросил, а вы с ним похожи, только он поздоровей. Но ты, я вижу, тоже любитель в опасные места соваться, вот тебе очки пригодятся.

– Правда?! – Володька просиял. – Спасибо!!! А хотите... хотите я вам спою?!

Странно, но Бородин не удивился. Он только кивнул и оперся ладонью на ограждение. Володька вдруг растерялся от своего собственного предложения.

– А... что вам спеть? – почти беспомощно спросил он. И тут же просиял: – А! Знаю! Вот! – Он улыбнулся Бородину и взмахнул рукой...

– Я увидел недавно в английской книге
Загадочное слово «Pacific ocean»,
И понял, что мир ещё неплох,
хотя он мог бы быть и лучше.

Лучше и лучше!
Где целый океан пацификом назван,
Нам есть ещё место, нам есть ещё дело,
Нам есть, что сделать, сказать, пусть малость неумело!
Да и просто несмело...

Денис заметил, что во многих местах прекратили работу и прислушивались – звонкий голос Володьки летел не только над берегом – над всем озером, пожалуй. Но он, только что смущавшийся Бородина, уж когда начинал петь – то больше ни о чём не думал, кроме песни...

– И пускай нам будут смеяться в лицо,
Нам скажут, что мы безумны,
Но если услышат хоть двое, то не время рвать струны.
Рвать в отчаянье струны.
Ни на атласах, ни на картах
Не найти нам дороги туда,
Лучше так по старинке наобум, и с криком: «Айда!

За мною – айда!»
Ни на атласах, ни на картах
Не найти нам дороги туда,
Где плещет Пацифик-океан

И живая вода!⁸

Допев, он тут же потупился. И вскинул голову снова, изумлённо, когда дружные аплодисменты раздались отовсюду – с ферм стройки, с озера, с мола и даже от кухни. Но Володька всё-таки был Володькой – и важно раскланялся на четыре стороны.

– Юрий Михайлович, связь! – крикнули между тем от одной из палаток. Бородин вскинул руку:

– Иду! – И, помедлив, протянул руку сперва Презику (который дал лапу тут же), потом Денису, а потом Володьке: – Ну, давай! Всего тебе самого-самого, может, ещё и увидимся! – И, тряхнув руку мальчишки, широко зашагал к палатке.

Какое-то время Володька смотрел ему вслед странными глазами – тоскливыми, восхищёнными и жадными. Потом вздохнул и повернулся к Денису:

– Пошли ещё тут посмотрим, а?

Денис кивнул, и мальчишки зашагали по тропинке вдоль перил.

Слышно было, как наверху кто-то из сварщиков распевает – не очень мелодично, но с энтузиазмом:

– Лучше так по старинке наобум, и с криком: «Айда!

За мною – айда!»...

...В сумке у Дениса обнаружилась прихваченная в последний момент пачка пресных галет. Устроившись около крана, из которого можно было брать воду, судя по табличке «Питевая вода» (с припиской «Заворачивайте плотней, черти!»), мальчишки принялись завтракать. Отсюда были видно всю стройку. Володька хрустел галетами, вертел головой, но ничего больше не спрашивал – видимо, здорово переел впечатлений.

Хрустнув галетой последний раз, он слизнул крошки с губ, поболтал ногами, вздохнул и чуть печально произнёс:

– Хороший мужик этот Бородин... Может, мой отец был такой же?

– Ты родителей совсем-совсем не помнишь? – осторожно спросил Денис, глядя на озеро. Володька покачал головой:

– Нет. Я же был совсем маленький. И я не верю, что они меня бросили. Наверное, с ними что-то случилось. А меня оставили, чтобы спасти.

Денис не стал возражать, хотя понимал, что эта версия, мягко говоря, слабенькая. Даже и не версия никакая, а так – смутные мечты одинокого мальчишки... Но зачем плевать в открытую навстречу душе? Вместо этого он встал (он сидел на люке около крана) и, перебравшись на перила рядом с Володькой, устроился прочней, просунув ноги за нижнюю перекладину, и свернул из обёрточной бумаги самолётик. Плавным движением запустил его над озером. Володька через плечо посмотрел на ровный долгий полёт – самолётик так и парил, пока не скрылся из глаз. Снова вздохнул, опустил голову...

Денис тоже вздохнул. Положил руку на плечо младшего и стал негромко напевать пришедшее ему на ум, как раз пока летел бумажный самолётик...

– Горбатый карлик рыдал в ночежке, мешая прочим уснуть,
Внезапно вспомнив, скрипя зубами, в дыму и мраке
Те дни, когда капитаном был он и в дальний трогался путь,
Грыз мундштук и помнил девушку из Нагасаки.
И был его китель белее снега, и рука, смугла и тверда,
Держала крепко всё то, что в жизни необходимо.
Встречали ласковые, как гейши, портовые города,

⁸ Стихи «Ленты».

Все было в кайф, но чужие крылья свистели мимо...

И полёт журавлика так же прям, как тысячу лет назад!
(Мирозданию плевать – кто в небесный сад, кто на нары...
Всё равно – полёт журавлика прям, как тысячу лет назад!)
Так улетай, журавушка, улетай –
саё нара...⁹

Володька начал прислушиваться с первых строк – замерев, широко раскрыв глаза, с какой-то непонятной тревогой...

– А что такое саё нара, на каком это языке? – спросил он, поняв, что Денис закончил петь.

– Это на японском, – сказал Денис. – Всего хорошего или что-то вроде того... В общем, пожелание счастья. Была такая страна, где сейчас Курильская Коса, знаешь? – Володька помотал головой. – Ну, неважно, это далеко на востоке... Там были острова, где жили японцы, нация воинов и поэтов, наши враги. Острова погибли, а вот – кое-что осталось. Журавлики бумажные, например. Вот самолётик, который я сделал – он и есть такой журавлик, если по-правильному.

– И всё? – тихо спросил Володька.

– От многих и этого не осталось...¹⁰ – Денис напряг память. – Вот, например, ещё. Это мы по литературе немного читали...

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

– Ну и чт... – начал Володька разочарованно. И вдруг приоткрыл рот и повторил зачарованно:

– Старый пруд.

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине... всплеск... в тишине... Здорово! – и тут же огорчился: – Только петь это нельзя...

– Тебе бы всё петь, – усмехнулся Денис. Володька пожал плечами:

– А чего? Если бы все люди пели – было бы меньше плохого.

– Думаешь? – заинтересовался Денис.

– Точно тебе говорю. – Володька встал коленками на нижнюю перекладину, нагнулся над водой, и Денис тут же стащил его на тропинку за подол куртки.

– Плюхнешься и будешь петь у хозяина бездонных озёр. Булькать, вернее, будешь... Что ты – то на балку лезешь, то за борт?!

– А мне просто всё на свете интересно, – лукаво и немного обиженно ответил Володька, лихо поправляя на лбу подаренные очки. С первого взгляда видно было, что настроение у него исправилось совсем, он спросил весело: – Пойдём обратно?

– Пошли, – согласился Денис. И резко свистнул псу, гонявшемуся неподалёку за какими-то насекомыми: – Презик, домой!..

...Двое мальчишек подходили через лес к повороту на посёлок. Оба шагали босиком, только старший в такт ходьбе взмахивал ботинками в левой руке...

⁹ Стихи О. Медведева.

¹⁰ Денис то ли не знал, то ли забыл, что довольно большие группы японцев – подданных Русской Империи – живут на островах Камчатка и Сахалин. Это потомки тех, кто успел спастись с архипелага.

– Ой, Денис, смотри, там!!! – Володька резко вскинул руку в направлении открывшегося впереди Седьмого Горного.

– Что, где?! – Денис напрягся. Володька сердито ткнул рукой:

– Да вон же, ты что, слепой?! На хребте!

Да. Денис не сразу понял, что изменилось в привычном ему пейзаже хребта. А когда понял – то почувствовал, как сами собой разъезжаются в улыбке губы. Когда он убегал утром – сердитый и почти злой – он не поглядел кругом, как это делал обычно. И вот наказание за дурную обиду. Неизбежное. Наверное, уже весь посёлок знает, а он видит только теперь...

...Над перевалом, над зелёной шкурой густого леса, над вечно текущими туманами поднялась выше самого хребта мачта струнника. Словно добрый великан заглядывал в долину через горы – с интересом спрашивая: помочь не надо?

– Ура... – шёпотом проронил Денис. И вспомнил, как не так уж давно они, когда ехали сюда, – ночевали на стройке, вспомнил инженера Максима... Значит, струнник дошёл до них!

Дошёл!

– Ты понимаешь – дошëëëëëл! – заорал Денис, трясая за плечи смеющегося Володьку. – Дошёл! Ура! Ура! Ураааа!!!

– Банзай! – вопил в ответ выученное новое слово, очень ему понравившееся, Володька. Он не совсем понимал, почему радуется Денис, но был счастлив, что тот радуется и что можно порадоваться и попрыгать по лужам вместе с ним. – Банзай!

Гавкающий Презик весело скакал вокруг мальчишек.

Глава 4

Мой брат

В ночь на восьмое ноября Денис остался ночевать в отряде. Можно сказать, что «так получилось». Дел было полно, сразу после уроков он верхом съездил в Лихобабью и даже выкроил время, чтобы заглянуть – естественно, по делам – к Мелеховым. Затем они с Олегом сходили посмотреть на то, как идут дела в фельдшерской школе и новой поселковой больнице. Ну а потом из отряда отлучиться уже просто не удавалось – завтра должен был состояться приём в пионеры пополнения, и Денис, позвонив домой, сказал, что останется ночевать. Выяснилось, что его родители домой тоже не являлись...

Это был уже не первый раз, когда кому-то надо было заночевать «на месте», и в отряде даже выделили под такое дело комнатку, в которой поставили стол, два стула и две двухъярусные кровати, а на стену повесили простенький ручной умывальник со сливом. Правда, добраться до одной из кроватей удалось лишь под утро, потому что, казалось, в отряде в преддверии праздника собрались ночевать поголовно все пионеры, и у каждого и каждой срочное и важное дело персонально к Денису. Кроме того, ежечасно и тоже с делами заглядывали разные взрослые – от Балаганова до Полянцева и собственной матери Дениса, которая сухим тоном осведомилась, почему четверть учеников не прошла диспансеризацию, хотя на носу уже осенние каникулы? Был уже первый час ночи, время для разговоров о диспансеризации не очень-то нормальное, поэтому Денис возмутился и ответил, что пионеры прошли все. Третьякова смерила сына взглядом ироничной кобры с ног до головы, хмыкнула очень обидно, сказала: «Нннну-ну...» – и ушла.

– А мы тут при чём?! – сердито осведомилась Танька Васюнина, которая сбоку на столе писала какой-то план. При Валерии Вадимовне она возмутиться, естественно, не посмела, но Денис её возмущение не поддержал и печально произнёс:

– Выходит, что при чём... Десятую заповедь помнишь, Васюнь?

Васюнина ответила вздохом:

– «Я не буду ожидать, что кто-то сделает за меня любое важное дело, которое я могу сделать сам». Ясно. После праздника займёмся агитацией за диспансеризацию.

Денис покосился на неё:

– Жалеешь, что вступила в пионеры?

Ответом был долгий взгляд широко открытых глаз, полный чистого, насмешливого недоумения: ты чего, мол, дурак, что ли?..

...В общем, лёг Денис в три, а разбудили его в шесть, потому что в восемь начинался сбор, а в девять – выход. Разбудил Олег, который принёс из дома завтрак и парадку.

Денис тем не менее ещё какое-то время ворочался в кровати на нижнем ярусе с боку на бок, стонал, подвывал, потягивался, жмурился, прятался обратно под одеяло и вообще оттягивал момент подъёма, как мог. Но тут появились братья Раймонды, и отлёживаться дальше стало бессмысленно – Денис поднялся и сунулся к умывальнику.

Генка и Аркашка прибыли с шумом и гамом, для себя не очень-то обычным. Они только-только вернулись с латифундистских плантаций, на которые едва начало приходить что-то, похожее отдалённо на нечто приближённое к более-менее нормальной жизни. Денис уже знал, что жизнь в Седьмом Горном, по сравнению с латифундиями, была просто-напросто раем во многом и, если честно, от поездки Раймондов ничего хорошего не ждал, хотя отправились они вчера после уроков с твёрдым намерением заложить там основу для создания третьего в округе пионеротряда.

Основу заложить-таки удалось, но в грандиозной драке, предшествовавшей закладке, обоих братьев сильно потрепали: Генка смотрел на мир одним глазом – злым и довольным – и носил на весу забинтованные разбитые кисти рук, а Аркашке вышибли два молочных и один коренной зуб и сломали ребро. То, что братья довольно долго успешно держались вдвоём против дюжины нападавших, привело этих самых нападавших в изумление, и драка постепенно перешла в разговор, который удалось направить в нужное русло. Делегаты с латифундий обещали приехать через неделю после праздника...

«Да, Восьмое Ноября, – подумал Денис, вытерев лицо и садясь к столу, – в тесноте, да не в обиде!» Было уже ясно, что завтрак придётся делить на троих – хорошо ещё Олег явно попросил свою маму положить всего с запасом, а сам поел. Он знал, что этот праздник – суровый праздник. Даже где-то опасный.

Когда-то – в давние времена, в невероятно давние – люди обожествляли молнию, не зная, что это электрический разряд. И верили в духов предков. Потом настали времена, когда они узнали: молния – это просто электричество. И вместе с этим знанием пришло во всей своей жуткой нелепости полное безверие.

Полное.

Денис великолепно знал, что такое молния. Но он временами удивлялся и даже ужасался – как Земля вообще уцелела, попав на такой долгий срок в руки людей, не понимавших, что своими действиями они рушат психику нации, наращивают некротическое поле; людей, не понимавших, например, что деревья – живые. Не так, как люди, но живые. Людей, веривших в придуманных богов (иногда – чаще не веривших ни во что вообще!), но не слышавших криков предков. Людей... да людей ли вообще? Бывало, мальчишка, читая книги или глядя хроники, мысленно отстранял себя от них брезгливо: ну не могли эти похотливые, жадные, трусоватые существа с примитивными желаниями быть его предками, предками его друзей и знакомых, даже предками врагов – не могли быть! Может быть, только тут, в Семиречье, он понял: могли. И были. И были уже в те времена не только такие люди, потому и живёт Денис. Вот о **настоящих** людях и надо помнить...

Но и осторожным надо быть. В мальчишеской среде Петрограда шёпотом пересказывали жуткие и волнующие слухи: а вот в **этот** день... когда **Грань** стала тонкой... знаете, мальчишка... да, не вовремя зашёл... да, в **такое** место... а вот та девчонка сказала **не то слово**... Всё – и не ищи! Унесло, утащило, закрутило... А там даже взрослые... А вот такое слышали, а – прямо дома... Рассказы щекотали нервы и заставляли опасливо мечтать – вот бы и мне тоже...

Щекотка щекоткой, а Денис по-настоящему испугался, когда – шестилетний – на этом празднике, отойдя от родителей, вдруг ощутил, что он не один. Перепуганный мальчишка опрометью рванул от серой невской воды вверх – ко взрослым.

– Папа, пап! – Он даже вмешался в разговор отца с сослуживцем, не подумав, что за это может крепко влететь. – Пап, а чего они там... стоят?!

Борис Игоревич посмотрел на сына – испуганного, встрёпанного, с приоткрытым ртом, с расширенными глазёнками, в которых были недоумение и страх. Не стал ругаться. И его собеседник молчал тоже. Потом мужчины посмотрели туда, к воде. И Борис Игоревич, приподняв сына на руки, тихо сказал:

– Не бойся, Дениска. Это наши предки... те, кто защищал город. Они пришли посмотреть, как мы их помним... – Денис недоверчиво оглянулся, посмотрел на отца, кивнул. – А теперь, – мужчина опустил мальчика на тротуар, – иди обратно и скажи им, кто ты. Не трусь, иди да так и скажи: я Денис Третьяков, честь вам и хвала...

– И... идти? – Глаза Дениса намокли, он вцепился в отцовскую штанину. Как же идти, там страшно – хоть и надо было сделать всего пару шагов; оттуда таким холодом веет, папа шутит, наверное?! Но Борис Игоревич отнял от себя руки мальчика и строго повторил:

– Иди. И будь смелым. Им это понравится.

И Денис пошёл. Еле-еле пошёл. Но, держа спину прямо и без задержки, не опуская головы и не оглядываясь, только чуть похлупывая носом. Пусть будет, что будет, но отец не увидит, что он трусит.

Он прошёл полпути к реке... и вдруг удивлённо понял, что нет больше страха. Хотя – честное слово – он отчётливо видел людей на берегу, только лиц не мог разглядеть. Люди были. А страха – не осталось. И холодом оттуда не веяло. Наоборот... Когда мальчишка подошёл и чуть дрожащим, но звонким голосом сказал:

– Здравствуйте, я Денис Третьяков! Честь вам и хвала! – и добавил сбивчиво: – И мы про вас помним, вы не думайте, что я маленький... и я не боюсь! – тогда вдруг словно теплом подули в лоб. Как мама, когда лежишь в постели и немного страшно, что ночь, – вдруг наклоняется и... это тёплое дуновение уносит самые злые страхи.

На миг он увидел, что у теней появились лица. Мужские, женские, даже детские. И вроде бы услышал: «Ты будешь смелым мужчиной, смелый мальчик!» И даже улыбнулся, и хотел ещё сказать... спросить... но они уже растаяли, и подошедший отец молча взял Дениса на руки. Мальчишка вздохнул и прижался к нему. Выдохнул в ухо:

– Значит, па, они живы?

– Живы, пока мы помним, – так же тихо ответил отец. – А теперь пошли маму искать...

– Я сам пойду, – заявил Денис. В самом деле – не будет же отец таскать на руках шестилетнего храброго маль... мужчину. Почти.

Но Борис Игоревич рассмеялся и посадил Дениса на плечи. И это было так здорово...

...Денис встряхнулся, поняв, что рискует остаться без завтрака вообще – лопать ухитрялся со страшной скоростью даже потерявший часть жевательного аппарата Аркашка. Ещё полгода назад Денис наверняка пошутил бы – «что вас дома не кормят, что ли?!», но сейчас воздержался. Хотя рабочие и жили получше, чем совсем недавно, но тринадцати– и четырнадцатилетний мальчишки, у которых были ещё две пятилетние сестрички-близняшки, дома явно не наедались. В отличие от Дениса.

– Поедите – и ложитесь поспите пару часов, – приказал Денис братьям и с удовольствием дожевывал остаток бутерброда с колбасой. – Скоро выходить.

– Новенькие уже собираются, – подтвердил Олег. Денис изумлённо посмотрел на него:

– Седьмой час всего!

Олег пожал плечами:

– А ты чего хотел? Сидят снаружи на ступеньках как статуи.

«Чего я хотел? Поесть и поспать», – не без иронии подумал Денис. Вслух он сказал:

– Ночью заходил Балаганов, предлагал послать корреспондента для освещения знаменательного события...

Генка подавился. Аркашка вытаращился. Олег скривился.

– Я тоже так думаю, – согласился Денис. Откинулся назад на стуле и, с силой выбросив руки вверх и выгнувшись всем телом, прогнал последний сон.

Новый необычный день настал.

* * *

Когда выступали – опять шёл дождь, несильный и тёплый, и Денис скрывал усмешку, видя, как новички стараются, вопреки здравому рассудку, уберечь парадную форму от капель, чуть ли не проскользнуть между ними, из-за чего строй временами терял свою чёткость. Ну да ничего. Скоро они сообразят, что форма – это всего лишь одежда. И не больше. А сейчас пусть берегут.

К тому же в лесу дождь перестал, а строй сделался неактуален. Правда, с ветвей всё равно капало и даже местами лило, а идти было трудно, гораздо трудней, чем по дороге. Фактиче-

ски приходилось всё время лезть вверх по не очень крутому, но скользкому и переплетённому корнями деревьев и кустов склону. Денис внимательно наблюдал: кто заскулит? К его удовольствию, смешанному, впрочем, с некоторым удивлением, не скулили даже младшие, под которых он незаметно подстраивал темп движения. Видно было, что некоторые устали очень, другие – чуть меньше, но ни на одном лице, даже у девчонок, Денис не мог прочесть ничего, кроме упрямства. А ведь каждый нёс на себе довольно солидный (хоть и подсчитанный по возрасту и полу) груз – и за плечами в рюкзаке, и на поясе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.